

СТАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ. ФЭНТЕЗИ АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

ВАРВАРЫ

РИМСКИЙ ОРЕЛ

ЦЕНА ИМПЕРИИ

ЛЕГИОН

ПРОТИВ ИМПЕРИИ

АЛЕКСАНДР МАЗИН

**РИМСКИЙ
ЦИКЛ**

ВАРВАРЫ

**РИМСКИЙ
ОРЕЛ**

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Иллюстрация на переплете — *Владимир Гурков*

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Варвары. Римский орел / Александр Мазин. — Москва : Эксмо, 2023. — 720 с.

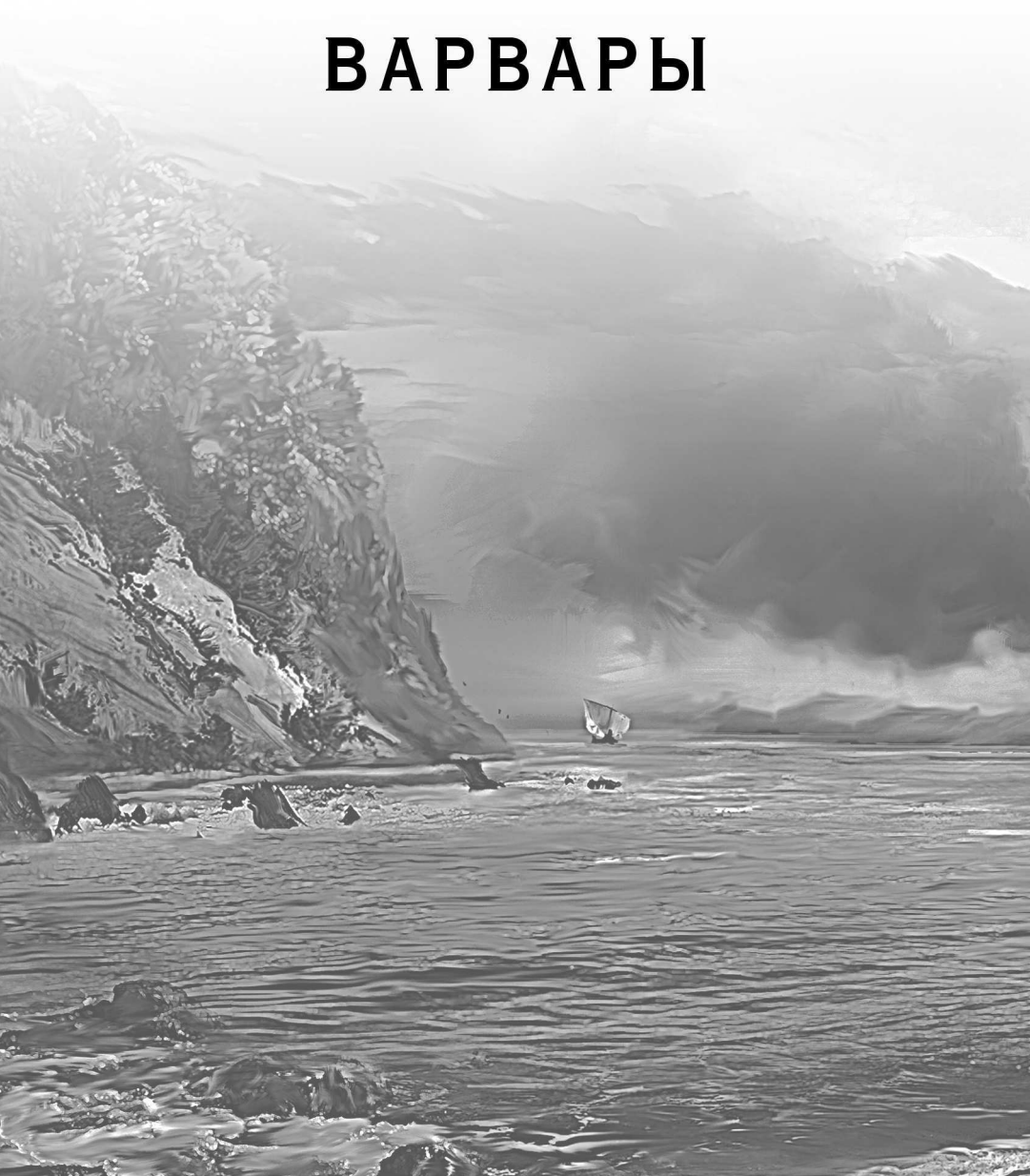
ISBN 978-5-04-180529-6

Рах Romana, говорили они. Римский мир. Утонченный, цивилизованный, великолепный... Великолепный кусок мяса для волчьих клыков. Вот так видели его варвары. Римские властители не сомневались в своем превосходстве. Дикарям в шкурах никогда не сокрушить прославленные легионы! Что у них есть, кроме свирепости и отваги? Ничего. А Рах Romana – вечен. Шел второй век от Рождества Христова, когда к границам самой могучей империи того времени пришли те, чьи потомки будут править Европой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180529-6 © Мазин А.В., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ВАРВАРЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧУЖИЕ БОГИ

Пролог

19 июня 20... года. 9.12. ОРТ. «Новости»

«Вчера, в 23 часа 2 минуты по московскому времени, с космодрома Байконур успешно стартовал корабль „Союз ТМ–М-4“ с экипажем в составе командира корабля Геннадия Черепанова и космонавта-исследователя Алексея Коршунова. Как заявили нашему корреспонденту в Центре управления полетами, несмотря на то что запуск дважды откладывался, старт прошел, самочувствие космонавтов хорошее. Стыковка с Международной космической станцией должна произойти примерно через 49 часов после старта. В соответствии с программой полета Г. Черепанов проведет на станции около шести месяцев и вернется на Землю на корабле многоцелевого использования „Дискавери“ вместе с американскими участниками основной экспедиции. А. Коршунов пробудет на МКС меньше и после запланированных исследовательских работ с микрогравитационной лабораторией „Спейсхаб“ через сорок два дня вернется на Землю на „Союзе ТМ–М-4“ вместе с космонавтом Николаем Белкиным, уже шесть месяцев находящимся на МКС».

20 июня 20... года. 14.23. РТР. «Вести»

«Как сообщили из Центра управления полетами, около шести часов назад была потеряна связь с кораблем „Союз ТМ–М-4“ с космонавтами Геннадием Черепановым и Алексеем Коршуновым на борту. На момент потери связи корабль находился над территорией Российской Федерации на высоте 324 километра. Примерно в это же время, как сообщает агентство „Рейтер“, потерял ориентацию научно-исследовательский спутник, находившийся в этот момент над кораблем на высоте около 600 километров, а на спутнике связи ИНТЕЛСАТ, также находившемся над кораблем

на геостационарной орбите на высоте около сорока тысяч километров, был зарегистрирован кратковременный сбой работы бортовых систем...»

21 июня 20... года. 22.20. НТВ. «Сегодня»

«...так и не восстановлена связь с кораблем „Союз ТМ–М-4“. Более того, не удалось обнаружить ни сам корабль, ни признаки вхождения его в плотные слои атмосферы. К поискам корабля, помимо НАСА и ВМФ США, подключились к настоящему моменту военные обсерватории всего мира, однако пока безрезультатно. По утверждению специалистов, космический корабль „Союз ТМ–М“ — это очень надежный аппарат с многократным дублированием большинства бортовых систем. Так что будем надеяться...»

23 июня 20... года. 00.12. ОРТ. «Новости»

«...к настоящему моменту судьба „Союза ТМ–М-4“ остается неизвестной. Стыковка с МКС должна была произойти более девяти часов тому назад. Попытки обнаружить корабль в околоземном пространстве пока не дали никаких результатов. Не удалось также обнаружить и признаков падения корабля. По сообщениям военных специалистов, никаких испытаний противоспутниковых систем в это время на территории России — да и во всем мире — не проводилось. Это подтверждается и сообщениями западных агентств, в которых говорится, что характер нарушений в работе спутников, находившихся вблизи точки орбиты, в которой прервалась связь с „Союзом ТМ–М-4“, не позволяет говорить о применении какой-либо из известных систем уничтожения спутников.

По указанию Президента России В.В. Путина создана специальная комиссия по расследованию происшествия с „Союзом ТМ–М-4“. В комиссию входят представители Российского космического агентства, концерна „Энергия“, Министерства обороны и Российской Академии наук».

Глава первая

КНИВА. О ПОДВИГАХ И СЛАВЕ

Ночь простерлась над миром. Под затянутым тучами небом притулилось село — полтора десятка низких мазанок. Дождь лениво шуршал в крытых почерневшей соломой крышах. Село спало.

Спали и в доме Фретилы, когда неслышно откинулась бычья кожа, закрывающая вход, и в проеме возникла темная фигура. Мгновение пришелец помедлил, вдыхая запахи и вслушиваясь, затем уверенно двинулся вглубь, пробираясь между спящими. Наклонившись над одним, потряс за плечо. Тот замычал, попытался сбросить руку. Потом разом вскинулся.

- Нидада? — Голос у Книвы, сына Фретилы, был сильным со сна.
- Тсс!
- Тебе чего...
- Идем?

И, не дожидаясь ответа, Нидада проскользнул к выходу.

Книва помедлил, приходя в себя. Затем встал с лавки. Рядом забормотал во сне Фретила, не то негодуя, не то жалуясь. Книва замер. Нет, все спокойно, отец снова захрапел.

Нидада ждал снаружи под навесом, где хранились нарубленные дрова для очага. Когда Книва приблизился, Нидада надменно оглядел его с головы до ног и презрительно хмыкнул.

Старый дворовый кобель, околачивавшийся поблизости на всякий случай (Нидада — знакомый, но мало ли...), при появлении Книвы потрусил прочь, на свое обычное место под навесом амбара.

- Чего надо? — Книва был недоволен.
- Дай поесть, — буркнул Нидада.
- Зачем будил? Ведь знаешь, где еда.

Нидада бросил взгляд на вход в дом.

— Все спят, — успокоил его Книва. — Ты что ночами бродишь?

Нидада не ответил. Хмурился, сопел, глядел в землю. Книва ждал. Нидада такой. Когда его отца медведь заломал, Нидада из дому сбежал и сутки пропадал где-то. С тех пор диковатым сделался.

— В капище скоро отправляться, — выдавил наконец Нидада. — Посвящение принимать...

Книва потрогал рысьи когти, что висели у него на шее. Душу этой рыси Книва взял с год назад. Рысь — могучий воин. Почетно ее душу взять. И в мужской избе когти не стыдно предъявить. Только не так-то просто посвящение пройти. Вдруг спросит Овида-жрец: отчего мнишь, что воин из тебя получится?

Подвиги нужны. Чтобы в дружину попасть, точно подвиги требуются. В дружину ведь всякий хочет. В селе что? Пахота да жатва. А в дружине весело, пиры, походы. Очень хочется Книве в дружину.

Нидада, как и Книва, в этом году свою четырнадцатую весну встретил. Нидада тоже хочет в дружину. Только в дружину попасть Нидаде еще труднее будет. В дружине брат его, Ахвизра. Потому-то и не находит Нидада себе места. Ведь как решат жрецы и воинский вождь Одохар, так тому и быть. А Одохар дружинников станет слушать. Когда молодых в воины принимают, из бурга на капище с военным вождем обязательно дружинники наезжают. Они-то и следят, кто как испытания прошел.

Ахвизра в селе прошлой осенью был. Припасов привез, чтобы кормился Нидада. Ахвизра так решил: пусть Нидада на земле сидит, хоть он и младший. Род хранит.

Это правильно. Род хранить надо. Человек без рода ничто. Только у Нидады весь род — Ахвизра. Остальные — кто помер, кто в великом походе сгинул.

А род — он ведь на земле сидит. И через то почет ему. Что за род без земли?

Оттого и решил Ахвизра Нидаду на земле силком удержать. Мол, свыкнется со временем. Ахвизра Нидаде клятвенно обещал на капище быть, когда Нидада воинское посвящение принимать станет. И всяческие препоны чинить. А все знают — Ахвизра слов на ветер не бросает.

Потому-то и нужно Нидаде что-то такое, особенное. Подвиги нужны. Но только где в селе их сыщешь? На охоте разве что. Но

этого мало. Великое нужно. Чтобы всех проняло. Чтобы от зависти все почернели.

— Я на квеманском озере был, — сказал Нидада.

— Врешь!

— Не вру!

Видно, и впрямь не врал. Чем-то от Нидады таким веяло... беспокойным.

Книва невольно поежился.

Квеманы — страшный народ. Они с демонами знают. И живут среди болот. В самых нечистых местах.

— Не вру! Клянусь Вотаном!

Книва ошарашенно смотрел на него. Пусть Нидада не воин пока, но такими клятвами не бросаются.

И тут Нидаду будто прорвало. Путано, сбивчиво он начал рассказывать...

На самом-то деле Нидада сначала на охоту отправился. Думал птицы набить. Но охота была неважная. Тогда Нидада решил на лесное озеро идти: там птица всегда в изобилии. А озеро это на землях квеманов стоит, хотя и далеко от их сел.

— Я возле озера на них и набрел, — продолжал Нидада. — Только они меня не видели. Повезло. Там орешника много...

В орешнике сидел Нидада, когда голоса услышал.

Квеманов было пятеро. Беззаботно себя вели, пересмеивались. Нидада решил за квеманами проследить. Что станут делать? А квеманы хворост собирали, таскали на берег озера. Тут Нидада смекнул: не иначе, затевают квеманы свои нечистые игрища. Ведь солнцу на зиму пора поворачивать. Стало быть, будут квеманы на озере костры жечь и безобразничать. Про их мерзкие обычаи в селе много чего рассказывали...

Следил Нидада за квеманами — и вдруг его осенило: вот он, подвиг великий!

В ночь на солнцеворот тайно на игрища квеманские прийти. Это и само по себе — подвиг, а если еще пару квеманских голов добыть, так выйдет не просто подвиг, а великий подвиг.

Прикинул Нидада: дело это нетрудное.

На игрищах, известное дело, обопьются квеманы, начнут по лесу за девками своими гоняться, разбредутся в разные стороны. Так что можно одного-двух подкараулить и убить. Головы с убитых снять. А когда в воины посвящать станут, эти головы и предъявить.

Такого подвига здесь отродясь никто не совершал. После такого сам Одохар, лично, в дружину позовет. Поэтому Нидада сразу о Книве подумал. Во-первых, Книва — друг. Во-вторых, Книве тоже к посвящению подвиг нужен. Опять-таки вдвоем и голов можно снять поболе.

— Весь лес квеманский кровью зальем. Всю избу завалим головами квеманскими, — возбужденно шептал Нидада.

— Там же духи болотные на игрищах будут, и боги квеманские. — Книва сложил пальцы защитным знаком.

— Ты их видел? — бросил Нидада презрительно.

— Я не видел. А Вутерих видел.

Вутерих в селе живет. Он прошлым летом болотного духа увидал. Потом болел долго.

— Вутерих говорит, он на тощего человечка похож. И нос у него острый и длинный.

Нидада фыркнул. Как болотный дух выглядит, все и без Вутериха знали. Старики о том не раз рассказывали. Фыркнул, но оглянулся украдкой и тоже сложил пальцы в защитный знак. Потом снова повернулся к Книве, зубами сверкнул в темноте:

— Трусишь? Тогда я один пойду.

Книва понял: он и в самом деле пойдет. И подвиг совершит, и станет дружинником. А он, Книва, так и останется в селе, на земле сидеть.

Книва коснулся рысских когтей и заявил решительно:

— Я — с тобой!

— Завтра, — сказал Нидада с достоинством, и по голосу было слышно: обрадовался, что Книва с ним отправится.

— А сейчас я спать иду, — заявил Нидада, голосом подражая вождю Одохару. — И ты иди. Нам выспаться надо.

Глава вторая

КНИВА. ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ

Той ночью Книве показалось: славно задумал Нидада. Может, потому показалось, что очень хотелось Книве великий подвиг свершить. А может, духи недобрые разум помutilи.

Утром он уж по-другому думал. Но отказаться не мог. Что он за воин будет, если слова не держит?

Утром Книва с Нидадой из села ушли. Как бы на охоту. Рогатины взяли, ножи, все, что требовалось.

Пока своими землями шли, Нидада болтал без умолку. То удалью хвастал, то принимался рассуждать, как лучше с квеманскими головами обойтись, чтоб сохраннее были. Засолить, закоптить или в меду спрятать. Склонялся к мысли, что лучше — закоптить. Тут Книва был с ним согласен. Соль надобно еще у Фретилы выпросить, а мед хоть и можно самим добыть, а потом как? Что за радость, если трофей в кувшине или в горшке лежит? Нет, такая добыча должна у всех на виду быть! Чтоб каждый доблесть Книвы увидеть мог.

Почти до полудня болтал Нидада, а после полудня они в дикий лес вошли, и Нидада умолк. И неудивительно. В диком лесу Ибба живет, волков пестует. Ибба раньше в селе жил, а потом в великий поход ушел. Сказывают, что до похода Ибба был как все. С прочими героями в богатырской избе жил, ярость тешил. Вернулся из похода только он один, остальные все полегли. А как вернулся — тут все и увидели: вутьей¹ стал Ибба. Такую ярость Ибба в себе принес, что не смог больше среди людей жить. В лес ушел. Давно это было.

Из сельских Иббу никто не видел ни разу после того, как он в лес ушел. Зато следы примечали не раз.

Нидаду с Книвой Ибба через свой лес без помех пропустил, хотя дважды, среди буреломов, взгляд вутьи ощущался. Понял, видать, Ибба, зачем во владения его вторглись. Радовался небось, что кровь прольется.

Нидада все правильно рассчитал. К озеру вышли в срок, затаились. Что-что, а затаиться они умели. Охотники как-никак, дело привычное. И на время Книве даже казаться стало, что и впрямь дело привычное: что рысь на рогатину взяла, что квемана дикого...

Квеманы появились, когда уж смеркаться стало.

¹ Носитель священной ярости (вут), насылаемой богами. Чаще всего вут посылался человеку Вутаном (Вотаном) — богом войны и магии. Собственно, само имя Вутан и образовано от слова «вут». У многих индоевропейских народов на этапе родоплеменных отношений священная ярость была объектом своеобразного религиозного почитания.

Книва, завидев их, даже дышать перестал. За свои четырнадцать зим он прежде лишь одного живого квемана видел. Его охотники в лесу поймали, недалеко от села. Вынюхивал, должно быть. Тот квеман от рассвета до рассвета перед ликами богов смерть принимал.

Книва тогда мал еще был, сидел на плече у своего отца Фретилы и смотрел, как умирал квеман. Долго умирал и кричал громко. В тот год засуха началась, если бы не жертва, зерно бы в полях сгорело. Но Тивас-бог принял квемана и дал дождь.

«Это оттого, — назидательно сказал потом Фретила, — что квеман был правильный».

— Правильный квеман, — пробормотал, сам того не замечая, Книва.

— Тихо ты! — яростно прошипел Нидада и толкнул Книву локтем.

Мошкары в прибрежных зарослях, где хоронились Книва с Нидадой, оказалось видимо-невидимо. А как стемнело, так и вовсе невозможность стало.

Не любят квеманы света дня. Оттого и веселятся всегда по ночам, когда злые духи по миру бродят. В селе говорят: квеманы со злыми духами заодно и под них рядятся. Когда в бой идут, черные одежды на себя надевают. У них и щиты черные, и лица они сажей вымазывают.

Однако нынче квеманы в белые одежды обрядились. И без оружия были. Шли не таясь. Знали: на своих землях. Духи ночные пронзительными голосами в чаще кричали — квеманов приветствовали.

Книва даже про мошкарку забыл. Сидел, потел, тискал древко рогатины. Страшно! Кажется: весь лес квеманами полон, вот сейчас раздвинутся кусты, и встанут вокруг квеманы тесной толпой. И такая слабость навалилась вдруг на Книву, что, возникни рядом квеманы, он дался бы им без всякого сопротивления.

Рядом судорожно вздохнул Нидада. Как всхлипнул.

«Небось тоже перетрусил», — подумал Книва, и от этой мысли ему сразу стало легче.

И злость пришла: на дурака Нидаду и на себя, что этого дурака послушался. А со злостью пришла ярость — холодная, как ключевая вода. Пришла — и вымыла все лишнее: мысли дурные, страхи. Тени перестали казаться личинами злых духов, а все звуки обрели правильный смысл, понятный охотнику. Книва даже усмехнулся,

когда вспомнил свой недавний страх, будто окружили их квеманы. Он потянул носом воздух: медленно, приплюхиваясь, как Фретила, отец, учил. Точно. Не было рядом квеманов. Далеко они были, не ближе полета стрелы. Огни жгли: от костров сырым дымом несло. Один только Нидада рядом сидел, пыхтел и потел. Трусил.

Хотел ему Книва обидное что-нибудь сказать, но передумал.

Дымом еще гуще потянуло. Книва слух напруг: что там квеманы затевают?

А они вдруг заголосили, завизжали на разные голоса, затопотали. Книва над кустарником осторожно приподнялся: интересно же. Нидада снизу зашипел злобно, но Книва только отмахнулся.

Ничего особенного он не разглядел, понял только, что квеманы от костров к озеру двинулись.

Над озером висел туман. Берега тонули в белесой мгле. Сквозь мглу мутно светили костры.

Внезапно кто-то жалобно закричал. Затем все стихло. И услышал Книва тонкий девичий плач. Звук по воде хорошо идет. Казалось, совсем рядом девочка плачет. Затем резкий голос раздался. Мужской. И глухой хрусткий удар. А затем — плеск. И сразу все вместе завопили квеманы. Заухали, завизжали, зарычали по-звериному.

Книве сразу ясно стало, что произошло. Принесли квеманы жертву озерному божеству. Рабыню или девку из своих. В селе говорят: они так всегда делают. А потом блуду предаются. Это они, нелюди, так солнцеворот празднуют. Не то что настоящие люди: днем ярким, с плясками да потехами воинскими.

Порадовал озерное божество, квеманы снова к кострам побрели. Чуть погода оттуда потянуло жаревом. Книва даже слюну слотнул: проголодался.

Отложил рогатину, полез в сумку, достал кусок вяленой зайчатины, оторвал зубами кусок, спросил Нидаду:

— Хочешь?

— Не-ет...

Трусил Нидада. Может, правильно решил Ахвизра оставить Нидаду при земле. Какой из Нидады воин выйдет? Смех, а не воин.

От этой мысли Книва почувствовал гордость, а к трусливому Нидаде — снисхождение.

— Ты чего трясешься? Далеко квеманы, не слышишь, что ли? — процедил он.

— Квеманы далеко... — протянул Нидада. — Я не о том.

— А о чем? — удивился Книва.

Нидада мотнул головой в сторону озера.

Вот дурачок! Это он, оказывается, из-за озерного духа трусливым потом исходит.

— Ему ж только что девку кинули! — усмехнулся Книва.

— А верно! — Нидада сразу повеселел.

Квеманы у костров тоже веселились. Книва с Нидадой терпеливо ждали. От озера, принявшего жертву, тянуло сыростью. И еще иным чем-то — нехорошим. Будто из тумана над водой глядел кто-то.

Может, и впрямь озерное божество? Книву снова пробрал озноб. А у костров, слышно, веселье разгоралось. Доносилось нестройное пение, женские крики и взвизги. Из леса диким квеманам дикие духи вторили. Кричали, подражая голосам ночных птиц.

Книва ощутил, как в нем опять страх просыпается.

«Нет, — подумал он. — Так нельзя сидеть. Надо дело делать».

Он хлопнул Нидаду по спине:

— Пошли!

— Куда? — нервно дернулся Нидада.

— Туда, к этим. Забыл, зачем пришли? Комаров, что ли, кормить? И первым полез из зарослей.

На полпути к квеманским кострам Книва остановился: вспомнил, что рогатину забыл. Вернуться?

В спину толкнулся Нидада. Тоже остановился, прошептал испуганно:

— Ты чего?

— Замри, — шепнул Книва. — Слушай.

И точно угадал: впереди хруст валежника послышался. Кто-то между елками бежал. Бежал-бежал — и вдруг остановился. Затаился. Слышалось только, как дышит часто-часто.

Книва мотнул головой, указывая в сторону спрятавшегося, показал Нидаде: будь начеку, сам медленно из чехла нож потянул и мягким шажком вперед двинулся. Таким сильным, легким и опасным чувствовал себя в этот миг Книва...

Здоровенный квеман выскочил из туманной мглы прямо на него. Огромный, как медведь. Как медведь растопырился, заревел — зубы блеснули в пасти — и Книву сверху руками облапил.

Книва даже удивиться не успел. Нож у него в руке сам собой повернулся плоской стороной к земле и квеману меж ребер вошел. Мягко так, легко, словно в теплый мед.

Квеман, наверное, тоже удивиться не успел. Булькнул тихонько — и умер. Только что он стискивал Книву с медвежьей силой и вдруг сразу ослабел, на ноже повис, едва из руки не вырвал. Книва руку наклонил, квеман мертвый с клинка сполз и на землю повалился...

И тут из-за дерева на Книву что-то белое бросилось. Книва опять ничего сообразить не успел, отмахнулся ножом, почувствовал, что попал, не клинком — рукоятью, но крепко. Враг, тот квеман, что за елками таился, назад отлетел и тоже упал.

А Нидада как стоял с рогатиной позади Книвы — так и замер. И рот приоткрыл.

Книва ко второму квеману подошел, присел рядом. Это баба оказалась. Раскинулась на спине, титьки кверху, ноги — врозь. Здоровущая. У, нелюдь!

Книва морду ее потрогал: липко, кровь. По лбу он ей рукоятью попал.

Тут рядом Нидада образовался, тоже на корточки присел.

Книва подумал: надо бы бабу квеманскую добить, но как-то... не хотелось.

«Пускай Нидада ее дорежет», — решил он, оттер ладонь о штаны и встал.

— Добей ее и жди тут, — сказал он.

— А ты куда? — спросил Нидада испуганно.

— Надо, — отрезал Книва.

И побежал за забытой рогатиной. Он особо не таился. Лес был полон разных звуков: визга, воплей, хихиканья. Веселились квеманы. Не чуяли, что среди них страшные убийцы дела геройские творят. Бежал Книва и великим воином себя чувал. Бесстрашным и могучим. Казалось: захочет он — и всех квеманов, глупых и беспечных, в одиночку перебьет.

Рогатина оказалась на месте. Книва подхватил ее и помчался обратно. На полпути ему квеман дорогу перебежал. Книва уже руку занес для удара, но квеман его и не заметил. Проломился сквозь кусты, как безумный лось, и дальше потопотал. Но у Книвы боевой задор как-то сразу угас.

Убитый квеман лежал на прежнем месте. И подбитая квеманка тоже. Только вот Нидада...

— Ты что надумал, сорочий сын? — прошипел в ярости Книва.

Нидада, паршивец, уже портки спустил, уд встопорчил кверху.

— Воину добытую бабу пользоваться — молодецкое дело! — заявил Нидада и на колени опустился, примериваясь, как поудобнее взобраться на квеманку.

— Какая это баба! — зашипел от ярости Книва. — Это ж нелюдь! Знаешь, кто от человека и нелюди рождается? Болотный дух!

— Ниче... — пробормотал Нидада, — не родится. Мы же ее — того. Ухватил квеманку за титьки...

И тут квеманка открыла зенки.

Нидада аж подпрыгнул.

А квеманка вроде как и не испугалась. Зубами блеснула: оскалилась зазывно.

Нидада, сразу видно, обрадовался. Снова ее за титьки ухватил...

И тут она, извернувшись, горсть трухи с земли подхватила и прямо в глаза Нидаде кинула.

Нидада взвизгнул совсем по-бабьи, с квеманки свалился. Она тут же на ноги подхватилась, заорала истошно... И осеклась, когда Книва рогатину ей точно в горло вогнал.

А Нидада на карачках по земле ползал, глаза тер и скулил.

— Заткнись! — Книва пнул его в бок. — Портки надень!

«Спешить нужно», — подумал Книва.

Подошел к убитому квеману, перехватил рогатину поудобнее. Для такого дела, конечно, топор сподручнее, но топора ведь нет. Недодумали они насчет топоров.

Наступив квеману на голову, Книва примерился и несколькими мощными ударами перерубил мертвецу хребет.

Потом ножом мягкое дорезал. На шее у квемана амулет был. Его Книва подальше в кусты забросил. Лучше бы унести да сжечь, но человеку амулет от квемана с собой носить опасно. От него вред приключиться может.

Голову квеманскую Книва в сумку спрятал.

Пока Книва делом занимался, Нидада успел порты натянуть и теперь ножом пытался квеманке голову откромсать. Пыхтел, весь в крови перепачкался, но кость крепкая, не поддавалась.

В воздухе смрад стоял. От крови и от мочи с калом, что из убитых изверглись. К запаху этому Книва был привычен, но ежели учует его кто из квеманов — сразу поймет, в чем дело.

— Брось ее, — велел он Нидаде. — Уходить надо.

— Еще чего! — прокряхтел тот, двумя руками нажимая на нож. — Мне... тоже... трофей нужен!

Наконец Нидада кое-как откромсал голову квеманки, ухватил за волосы, ослабился. Доволен!

— Вот теперь уходим! — заявил он.

И оба припустили прочь вдоль длинного озерного берега.

Когда квеманские голоса растаяли вдали и даже запах дыма больше не ощущался, приятели сделали передышку. Кровь с себя смыли, напились, головы добытые в воде ополоснули. Но медлить не стали. Надо было подальше уйти, пока квеманы своих убитых не обнаружили.

Теперь они через лес побежали. Лес же духами кишел: кричали они, угрожали, жаловались...

Книва с Нидадой сами не заметили, как с шага на бег перешли.

Владения Иббы миновали на рассвете. С другой стороны обошли, держась подальше. И снова бежали, пока сил хватило. Потом место приметили, где спрятаться можно. Лежали там, отдыхали. Обоим чудились голоса. Все казалось, что квеманы гонятся: вон топчут, перекликаются. А прислушаешься — нет никого. Лишь кровь стучит в ушах.

Солнце высоко уже стояло, светило сквозь кроны, когда Книва с Нидадой снова пустились в путь. Бежать было тяжело — парило в лесу, пот ел глаза, в голове будто молот бил. Но это уже своя земля была, не квеманская, не чужая.

Неподалеку от села еще озерцо было. Туда и свернули.

От деревьев уже протянулись тени — к закату дело.

У озерца остановились ненадолго. Сполоснулись, головы добытые омыли. От вида своей добычи Нидада совсем повеселел. Озоруя, стал играть головой квеманки.

И неожиданно Книве будто с другой стороны Нидада явился. На прыщавом лице глаза горят нехорошим блеском. На подбородке остром бороденка жидкая пробивается в три волоска, рот смехом распылен. Скалится, голову квеманки — которую, кстати, Книва убил — с руки на руку перебрасывает.

— Чего уставился? — вдрызг спросил Нидада.

— Вижу, каким ты станешь, — мрачно объявил Книва.

— Воином! Великим воином! — Нидада запрокинул лицо вверх и закружился на месте.

Книва резко отвернулся. Взгляд упал на другую голову, лежащую в траве. Книву вдруг вырвало желчью — не ел два дня. А Нидада, глядя на него, зашелся от хохота.

До села уже рукой подать было, когда ветер задул. Книва с Нидадой сперва не обращали на это внимания, Это даже приятно было — ветер нес прохладу разгоряченным лицам. Они уже не бежали, на своей земле все-таки, а брели спотыкаясь, лишь время от времени по привычке переходя на подобие бега.

А ветер все усиливался. Теперь он налетал порывами. Ветер дул сбоку. И оттуда же по небу напоззали, громоздясь, темно-серые горы туч. Донесся тяжелый раскат грома.

— Гроза идет, — пробормотал Нидада.

Книве уже тогда показалось, что неспроста все это.

Гроза застигла их в поле, что тянется от реки в сторону квеманских земель. Дождь то падал сплошной стеной, то вдруг бил в лицо колючими струями. Небо раскалывалось от молний, которые Доннар, ярясь, бросал на мир.

И они опять бежали. Бежали из последних сил.

Поверхность реки вздувалась пузырями. Книва с Нидадой добежали до брода, потом никак не могли выбраться на берег. Ноги скользили. Несколько раз они съезжали с глинистого откоса, пока наконец сумели выбраться наверх. Книва даже испугался, что унесет река. Время запретное, а они даже подарка водному богу не сделали... Однако ничего, выбрались.

В селе разделились. Нидада — в хибарку свою, Книва — домой. Добежал, ввалился в дом мокрый, весь перемазанный в глине.

— Ай! — вскрикнула Рагнасвинта, сестра Книвина. Остальные тоже усталились.

— Где был? — сердито спросил Фретила.

Книва без сил упал на чурбан перед очагом. Квеманскую голову за волосы вверх воздел, ухмыльнулся во весь рот...

Глава третья

КНИВА. НЕЧИСТЫЕ

К ночи буря усилилась. Книва с Нидадой жались к огню, вслушиваясь в раскаты грома, то и дело оглядываясь на шкуру, прикрывавшую вход. Подбитый глаз Книвы заплыл, превратился в щелочку. И спина болела. Там, где приложился березовый сук.

Фретила, отец, как только квеманскую голову увидел, аж с лавки подскочил. И сразу — кулачищем Книве в морду. А потом за волосы хватать — и выкинул из дома прочь, во двор. И сам следом выскочил, сук прихватив. И сукон этим так Книву отходил... А-а! Разве в этом дело!

В том дело, что Книва нечист. И Нидада нечист. И, хуже того, через них нечисть в село прийти может. Потому если ныне в селе случится что недоброе, то Книву с Нидадой убьют.

Вот тебе и подвиг. Эх, было б на Книве с Нидадой воинское посвящение, тогда и впрямь был бы подвиг. Тогда бы им почет оказали. Как героям. Воинское посвящение нечисть отваживает. А коли нет его...

Как они раньше об этом не подумали?!

О том, как и кого убили, Книва признался не сразу, а лишь у Хундилы-старейшины на подворье. Его туда отец Фретила с братом Сигисбарном приволокли. И Нидаду туда притащили.

И били там Книву с Нидадой нещадно. Только буря не стихала.

И сказал Хундила, что теперь вся нечисть, что на квеманском озере собиралась, в село придет. Потому что Книва с Нидадой ей путь показали.

Отныне они не могут входить в дома. Не могут ходить там, где люди ходят. Отныне они могут лишь сидеть в доме у Нидады. И дом этот отныне тоже нечист.

Если этой ночью нечисть заберет их жизни, дом сожгут. И новый строить на этом месте не станут. Так Хундила сказал.

Квеманские головы тоже здесь.

Книва боялся смотреть в их сторону.

А души квеманов снаружи теснятся. Их крики даже сквозь шум ветра слышать. Громко кричат мертвые квеманы, отомстить жаждут.

Книва с Нидадой тоже уже почти мертвые. Нет у них больше рода. А без рода человек — что отрезанная рука. Гниет, и черви ее едят. А люди смотрят с омерзением. Отныне Книва с Нидадой тоже отрезаны.

Если примет род нечистого человека, то сам станет нечист и сгинет. Оттого род Фретила отверг того, кого люди Книвой звали.

Ахвизра-дружинник, брат Нидады, еще ничего не знает. Но его род тоже Нидаду отвергнет. Ахвизра и отвергнет. И тем свой род

почти что убьет. Оттого что весь род Нидадин — сам Нидада да Ахвизра. Но Ахвизра это сделает, а как иначе?

Книва знает: об этом сейчас думает Нидада, вжимая голову в плечи. О том, что Ахвизра сделает. И боится. А чего бояться? Может, и до утра не доживет Нидада.

Хундила-старейшина хотел вообще их изгнать из села. Травстила-кузнец вступился. Сказал: заприте пока нечистых в хижине у Нидады. Если ночью пожрет их нечисть, то, глядишь, и отступится от села. Травстилу в селе слушают. Травстила тайное ведает, с Овидой-жрецом дружбу водит. Кузнец потому что.

Пинками и палками Книву погнали сюда. И Нидаду тоже.

А попозже внутрь еще старый горшок кинули. С углями. Угли те Травстила из кузницы принес. Нечисть огня из кузницы жуть как боится.

Травстила хотел помочь. Он всем в селе помогает.

— Дрова догорают, — пробормотал Книва. — Огонь гаснет.

— Дрова снаружи, — отозвался Нидада. — Я туда не пойду.

— Я тоже... — Книва вздохнул. — А ведь мы и озеро осквернили, и реку, — сказал он. — Когда на пути обратном нечистыми в нее вошли. И подношения не дали.

— Так ведь не было у нас ничего, — еле слышно прошептал Нидада. — Слышь, давай сбежим поутру.

Книва не ответил. Не дадут им сбежать. Дурак Нидада, неужели не понимает? И он, Книва, дурак, что с Нидадой связался.

Они сидели и смотрели, как угасал огонь. Тьма надвигалась из углов дома, протягиваясь к ним. Снаружи стонали и кричали убитые квеманы. В дом проникнуть хотели.

Вдруг страшный скрипучий крик перекрыл звуки бури. Голод в нем слышался и нечеловеческая ярость.

Нидада заскулил от ужаса.

Глава четвертая

КНИВА. ЧУЖИЕ БОГИ

Утро настало, а Книва с Нидадой все еще были живы. Изнемогали от нечистоты. Мечтали о смерти. Всю ночь, желая отомстить, неистовствовали снаружи злобные квеманские духи. И бессчетное

количество раз казалось Книве и Нидаде: все. Сейчас ворвутся и пожрут. Но — обошлось. Может, угли из кузницы помогли?

С рассветом гроза ушла. Только ветер налетал порывами.

Убогая у Нидады хижина, кособокая. Ночью от ярости квеманских духов крыша прохудилась, сорвало солому. Всю ночь в дыру дождь лил. А с рассветом стал виден лоскут неба. По небу быстро неслись рваные облака.

— Уходить надо, — выдавил Нидада.

— Куда? — разъярился Книва. — Куда?!

Нидада пробормотал себе под нос что-то неразборчивое. Книва со злобой покосился на него. Великим воином он будет! Дерьмо свинячье!

Снаружи послышались голоса, шаги. Ветхая шкура, прикрывающая вход в хижину, отдернулась.

Хундила-старейшина.

Глянул молча, внутрь заходить не стал. Лишь пальцем поманил.

Книва встал и вышел. Нидада — за ним.

Снаружи собралось, почитай, все село. Пришли узнать, живы они с Нидадой или нет.

Книва с равнодушной тоской обвел взглядом лица односельчан. Ничего хорошего на них не прочел. Угрюмыми они были, эти лица. А у мужчин в руках топоры да рогатины.

Книва отвернулся. Лучше уж вдаль смотреть.

Старейшина заговорил. Мрачно ронял тяжелые слова.

Квеманские духи нашли путь сюда. Оттого нашли, что два щенка их сюда привели. Теперь нипочем сами не уйдут квеманские духи. Мстить будут. После бури ночной на поля смотреть больно. Сколько зерна силой не нальется. Вот и дерево, что возле богатырской избы росло, теперь повалено.

Вчера как думали? Думали — изгнать. А ныне все иначе повернулось.

Ночью-то вас никто ведь не видел. Все по домам сидели. А снаружи нечисть бесилась. И кто знает, может, уже и вселилась в вас нечисть. Кто поручится за вас? Никто не поручится...

В этот миг Нидада вдруг прочь рванулся с места. На пути у него Вутерих стоял. Нидада его оттолкнул. Откуда только силы взялись.

Но не ушел. Не дали. Древко рогатины сунули в ноги. Нидада растянулся на земле. Попытался вскочить, но тут уж на него все навалились.

К Книве тоже подскочили, хоть он никуда не убежал. Вутерих и его брат Герменгельд. Схватили за руки, выкрутили за спину.

Книва поймал взгляд отца. Стоял Фретила, супя густые брови. И ус крутил мрачно.

К Книве подтащили Нидаду. Тот исступленно рычал, пытался вывернуться.

— К жрецам надо посылать, — сказал Травстила-кузнец. — А этих связать пока.

— Убить их — и всех дел! — крикнул рябой Хиларих. — Пока не поздно.

— Пусть Овида-жрец это дело решает, — повторил Травстила. — Его это дело.

— Тебе хорошо рассуждать! — выкрикнул Хиларих. — Ты кузнец, с огнем водишься, тебя нечисть боится!

— Ну так запри их в избе да сожги, — проворчал Травстила.

Кузнец добрый человек. Через огонь может прийти очищение. Книва с благодарностью и надеждой уставился на него, выворачивая шею.

Хундила-старейшина покачал головой:

— Они нечисть в село привадили. Им и отваживать. За рекой на болотце надо. Там место все равно плохое. А за ними, глядишь, и нечисть уйдет из села. Вместе с их кровью в топь уйдет.

Книва снова отвернулся. Смотрел в сторону. От стремительно летящих облаков по земле неслись тени. Ветер гнал по улице сорванную ночью мокрую листву...

Внутри — нечистота. Она разрастается, превращая тебя в квеманского духа...

...Страшно искаженная рожа бесноватого Нидады, хрипящего, зубами лязгающего... Перемазанные засохшей глиной квеманские головы сзади в хижине...

Книва поднял глаза к небу, к солнцу, ища помощи...

И небо ответило. Зарычало небо. Гром в нем родился. И не гроза это была — иное. Станный это был гром, бесконечно долгий. Гром бродил в небе, то затихая, то вновь становясь громче.

А потом Книва увидел... И закричал. И все увидели...

...Из рваных ключев мчащихся облаков вырвалось нечто и понеслось на село. Ветер оседлав, несло нечто, чему нет названия в человеческом языке. Под парусами оно несло. Цвета снега и огня были паруса. Снега и крови. Нечто несло от леса. От люд-

ского леса, не квеманского. От того леса, где у деревьев, старым Гундиухом помеченных, душу взяли — для погребального костра Гундиуха. Стало быть, вымолил Гундиух у богов прощение для села!..

Показалось Книве — сокрушит нечто дом Фретилы, его отца. Но не сокрушило — помиловало, высоко прошло. Стало быть, не перешла нечисть на род Фретилы. Чист род перед богами. Над богатырской избой прошло, низко, но нет, и богатырскую избу не сокрушило, лишь солому на крыше вздыбило. Над селом пронеслось, через реку, к болотцу. И там пало.

Стало быть, прав старый Хундила. А боги его слова яснее ясного подтвердили. В болотную топь должна уйти нечистая кровь. А с ней и нечисть квеманская из села уйдет.

И выл, надрывая душу, злой квеманский дух в бесноватом Нидаде.

* * *

Посланец богов прямо в топь угодил. Весь в болото ушел, только шлем остроконечный наверху остался. Со шпилем длинным. А вокруг по болотным кочкам паруса простились.

Цвета снега и огня были паруса. Снега и крови. Красивые.

Мужчины на берегу стояли. Никто не решался к посланцу приблизиться. А ну как встанет он из топи? Ежели даже шлем его боевой — повыше дома, то каков же тогда сам посланец?

Даже отсюда видно было, что лишь недавно вышел шлем из горнила. Вон как жаром небесной кузни попятнан. Книва неотрывно смотрел на дивную громаду. Связанные руки мешали смахнуть со лба мокрые волосы, облепившие лицо. Когда их с Нидадой гнали сюда через брод, два раза в воду упал Книва. Поднимали, ставили на ноги и в спину толкали: иди давай.

Рядом тяжело дышал Нидада. Голова квеманки, Книвой убитой, за волосы к поясу привязана. А квеманова голова — к поясу Книвы. Нидада тоже на диво уставился. Что-то шептал себе под нос. Только не разобрать было что. И скалился радостно.

Квеманские духи нечистые завладели Нидадой. Только недавно выл, извивался, всех заесть хотел. А теперь радуется.

— Гляди-ка, оно в топь-то уходит, — пробормотал Вутерих. — Стало быть, и этих надо туда же — в топь.

Но Хундила Вутериха осадил. Если не так сделаешь, разгневаются боги. Сперва понять нужно, чего они хотят.

А старый Ханала сказал: неспроста все это. Испытывают они нас. Не стали бы ни с того ни с сего воина посылать. Могли бы на топь показать и иным путем. Молнией или как-нибудь иначе.

А Нидада, ужом извернувшись, в лицо Ханале заглянул угодливо. И засмеялся вдруг, головой в сторону дара мотнув. Рябой Хиларих его древком копыя ткнул. Нидада замолчал. Понурился.

И снова воцарилось молчание. Лишь комары надсадно звенели. Стояли сельчане, переминались с ноги на ногу, пытаясь постичь загадку богов.

— Боги любят людей испытывать, — пробормотал Ханала.

Ханалу сюда через реку на руках перенесли. Совсем стал слаб. Сам уже не смог бы брод одолеть.

Тут в Вутерихе смелость разыграла. И пошел он, по грязи хлюпая, прямо к гигантскому шлему. На дивный ало-снежный парус ступил, запятнал его грязью, копые поднял и — хорошо хоть сообразил! — не жалом, а древком в опаленный шлем ткнул.

И вспыхнул на шлеме глаз лютый! И закричал утопший воин-великан истошным голосом, надрывно, как чайка кричит... Как кричала бы чайка, будь у нее крылья в полнеба.

Высоко, по-заячьи, подпрыгнул Вутерих и в грязь шлепнулся. И на карачках, потеряв копые, прочь засеменял. Так, на карачках, до самого села и семенял бы, но Травстила его за пояс поймал, придержал.

Смешно это было, но никто не смеялся. От крика неистового у Книвы все внутри переворачивалось. А тут еще страшный глаз светом плевался: то синим, то алым.

И ждал Книва: вот-вот развернется топь — и встанет из нее страшный посланец, головой под самые облака. И так страшно было, что уже почти жалел Книва, что не пожрали его квеманские духи, как пожрали они хихикающего Нидаду. И глядел Книва на опаленный великаний шлем, и видел, что он весь какими-то шишками и наростами усеян. А на боку — таинственные руны. И трепетал Книва. И все трепетали...

— Это вместилище, — вдруг сказал Травстила-кузнец.

Все повернулись к нему.

— Ну да, не шлем это, а вместилище, — уверенно повторил Травстила. — Вон там, крышкой запечатано.

— А ведь точно, — растерянно протянул Вутерих, с четверенек поднимаясь. А бесноватый Нидада задыхал часто.

Тут Вутерих, путаясь в словах — не умелец он был словеса вязать, — говорить стал:

— У боранов, племени лукавого и разбойного, — тех, что за герулами на полдень живут, — у них зерно от мышей и прочей потравы хранят в огромных горшках. И крышками закрывают. А когда потребность в зерне возникает, то открывают крышку и берут зерна из горшка, сколько надо. Так вот, видом те горшки с дивом божьим сходны. Точно вам говорю, — бормотал Вутерих, от волнения бородку в кулаке комкая.

— Чушь! — отмахнулся от Вутериха Хундила и перевел взгляд с вместилища на Книву с Нидадой.

— Точно, — поддержал Хундилу Герменгельд, брат Вутериха. — Не боранский это горшок.

Возразить на это было нечего. И вправду, не могли бораны такое диво сотворить и сюда, в топь, швырнуть. Вот если бы они ограбили или убили кого, тогда да, это на них похоже.

— И не квеманы это, — встрял рябой Хиларих. — Слишком злокозненны квеманы, чтобы что-то путное сотворить.

— Ты богов-то побойся! — рявкнул на него Герменгельд. — Башкой думай! Дар богов перед тобой, а ты, дурак, о квеманах толкуешь.

— Вместилище не вместилище, — решил наконец Хундила, — а все равно оно в топь уходит. Стало быть, надо так. И этих двоих — тоже в топь.

— Не спеши, старейшина, — нахмурился Травстила-кузнец. — Не один в селе живешь.

Хундила аж побагровел. Хоть и кузнец Травстила, но нехорошо Хундиле так... Неуважительно.

Тут опять Ханала голос подал. До этого стоял молча, опираясь на палку. Подслеповато щурился, рассматривая дар богов.

Теперь все лица к Ханале разом повернулись. Мудр Ханала. Так мудр, что в мире мало кто с ним в мудрости может сравниться. Все повидал Ханала, что только можно повидать. И если говорит Ханала, то только дельное.

Но ничего не успел сказать премудрый Ханала.

От дара богов вдруг звук донесся. И...

Как всегда, прав оказался кузнец Травстила!

В самом деле — вместилище.

Крышка с рунами, которой вместилище было запечатано, вдруг откинулась. Затаив дыхание, все смотрели в черный проем.

Книва тоже смотрел. Сердце бешено колотилось.

Из черного проема вдруг вылетел какой-то светлый увесистый тюк и упал на красную часть паруса. Следом еще один тюк, побольше, на белую часть упал.

Книва облизал пересохшие губы.

— Дары, — прошептал кто-то сзади.

— Тихо! — цыкнул Хундила.

В круглом проеме показался лик. Божество! Боги сами пришли!!!

Божество выпросталось из люка и тяжело спрыгнуло на землю. Что-то проговорило. Следом показалось второе. Также выбралось наружу.

Они стояли возле вместилища и смотрели на сельчан. Не больно велики оказались боги, Книва и то повыше ростом...

И тут Книва ощутил, как все оборвалось внутри.

Это были чужие боги!

— Блатф! — вскрикнуло хрипло второе божество.

И замерло в ожидании. Выговор у божества — чужой. Но слово понятное. Кровь.

— Мстить пришли! — не произнес, выдохнул Вутерих. — Квеманские боги.

— Заткнись, — отрывисто приказал Хундила. Сорвал с пояса Нидады голову, дал Вутериху: — Верни им!

Вутерих поглядел на голову, что щерилась провалом рта, размахнулся и бросил ее божеству, не решаясь приблизиться.

Голова упала рядом с божеством. То замерло, всматриваясь. Может, узнало кого из своих? О чем-то заговорило с другим божеством.

Видно было, что чужие боги недовольны. Вон как гавкают друг на друга.

Одно из божеств направилось к выброшенному тюку. Подняло его, озираясь окрест. Другое тем временем скрылось во вместилище.

— Гляди, гляди, снова вылезает! — пробормотал рябой Хиларих.

Нидаду опять колотить начало. Надсадно хрипя, он извивался на земле, пытаясь освободить связанные за спиной руки.

Второе божество приблизилось к первому. Подало ему что-то.

Отсюда было плохо видно, что творили на болоте чужие божества. Из-за камыша. Склонились над чем-то. Вот одно выпрямилось, ногой голову брошенную подвинуло.

И вдруг там, где колдовали чужие божества, вспыхнуло пламя. Необычное это было пламя, не такое, какое в очагах горит. Яркое, как солнце.

Жирным дымом потянуло с болота. Будто с погребального костра.

И яснее ясного стали намерения чужих богов.

Вот тогда и завыл-закричал Нидада. Звериным был этот вопль. Люди так не кричат. То квеманский болотный дух, который в него вошел, свободу потребовал.

Хундила-старейшина посмотрел вопросительно на Ханалу. Тот помедлил было, потом кивнул.

— Давай. — Хундила показал Вутериху глазами на бьющегося в корчах Нидаду.

Вутерих нахмурился. Подошел к Нидаде. Схватил его за волосы. Извернувшись, Нидада сумел ударить его связанными ногами в бок. Вутерих ойкнул.

— Помогите ему, — велел Хундила.

К Нидаде кинулся было Сигисбарн, однако ветхий Ханала с неожиданной ловкостью преградил ему путь.

— Не ты, — сказал. — Он. — И палкой показал на Герменгельда.

Джужий Герменгельд подошел к воющему Нидаде, ухватил сзади под мышки. Вутерих, все еще морщась от боли, поймал за ноги. Вдвоем они оттащили Нидаду туда, где начиналось топкое место.

Чужие боги смотрели на них.

Книва смотрел на богов. Его охватило какое-то странное безразличие. Только сейчас он осознал, что боги безбороды.

Чудно.

Он перевел взгляд на Нидаду в могучих лапищах Герменгельда. Вот Вутерих подходит и запрокидывает Нидаде голову. Нож в руке. Короткое движение...

Вой Нидады оборвался. Герменгельд быстро наклонился вперед, чтобы хлещущая из перерезанного горла кровь ушла в топь.

Чтобы квеманский болотный дух вышел на свободу и к себе ушел. Чужие боги могут быть довольны.

Тело Нидады дернулось несколько раз и обмякло. Герменгельд медленно опустил его лицом в топь.

Книва вдруг ощутил мимолетное презрение к этим людям. Неужели они не понимают, что богам из-за камыша и не разглядеть все как следует?

Но это было не важно. Главное, сейчас он, Книва, избавится от нечистоты внутри.

Перед глазами вдруг мелькнуло на миг лицо Нидады там, возле лесного озера. «Я стану великим воином!»

Не станешь, Нидада!

Чужие боги на болоте переговаривались резкими голосами. Чувствовалось, были недовольны.

«А с чего им быть довольными? — подумал Книва. — Они же ничего не видели из-за камышей».

Герменгельд с Вутерихом вернулись. Рывком вздернули Книву на ноги. Тот не сопротивлялся.

— Стойте! — В голосе Хундилы слышалось беспокойство, даже не беспокойство — страх. — Поближе к ним подойдите, — велел старейшина. — Пусть они видят.

Книва даже равнодушно-отстраненно удивился. В первый раз в жизни он слышал в голосе старейшины страх.

Герменгельд и Вутерих подхватили Книву, как только что Нидаду, и поволокли к чужим богам. Герменгельд поскользнулся, взмахнул рукой, в которой нож держал, — капелька Нидадовой крови упала на щеку Книвы.

У края паруса остановились. Не решался Вутерих снова на парус ступить. До сих пор еще дрожал от страха пережитого. Но Книву держал крепко.

Чужие боги смотрели на него с отвращением. Особенно один — тот, что помоложе.

Стояли Герменгельд с Вутерихом — и Книва между ними — и не могли решиться. Ступить на парус? Или нет?

Книва тоже не знал, как быть. И радовался, что не ему решать. Ему — только горло под нож подставить. Очиститься.

Боги не двигались с места.

Какие они чужие! Теперь, с близкого расстояния, Книва мог хорошо их рассмотреть.

На богах были странные одежды. Очень красивые. Сверкающие. И рунами исчерченные. Ни разу Книве не доводилось видеть чего-либо похожего.

В руках у богов были невиданные мечи. Короткие и будто обломленные на концах.

Тут младший из богов, лицом гладкий, точно ребенок, сделал жест, словно позвал. И потянулся вперед Книва. И потянул за

собой Герменгельда с Вутерихом. И вступили они, все трое, на парус. И боги это видели.

Шаг, другой, третий — по парусам цвета снега и огня. Снега и крови. Шли, оставляя грязные следы.

Но богов это, похоже, не волновало.

Меч в руке молодого бога шевельнулся. Пальцы сжались на рукояти. Теперь Книва смотрел лишь на эти пальцы. На пальцы чужого бога с побелевшими костяшками. Он чувствовал, как исходит яростью бог. Неужели сам желает Книву очистить?

Здесь, возле чужих богов, воздух был пропитан чужими запахами. Пахло окалиной от вместилища. Пахло и от богов — странно и дивно. А еще — воняло паленым мясом. Теперь Книва видел — боги сожгли голову квеманки. И еще что-то сожгли.

Звуки чужого языка ударили по ушам. Книва произвольно втянул голову в плечи. С ним заговорил старший бог. Этот бог был крупнее молодого, шире. Чувствовалась в нем невероятная мощь. И он, бог, не спеша двинулся к Книве.

Невероятным усилием Книва заставил себя посмотреть в лицо чужого бога. У бога были серые глаза с прищуром. Чужой бог смотрел на Книву и насмешливо улыбался. Не гневался.

Но тут бог что-то сердито рявкнул Герменгельду, показал на нож окровавленный, на Книву...

И Герменгельд решил: велит ему бог кровь из Книвы выпустить. Ума у Герменгельда меньше, чем силы. Забыл, что кровь Книвы в болото должна пролиться, а не на парус дивный...

И тут явил свою силу старший бог. Перехватил левой рукой Герменгельдову руку и сжал так, что вскрикнул Герменгельд и нож выронил, Книву выпустил и на колени упал. А молодой бог, раскачиваясь, словно танцуя, надвинулся на Вутериха. И икнул от страха Вутерих, тоже выпустил Книву и попятился быстро-быстро, а за краем паруса споткнулся и в грязь упал. Но подскочил тут же и побежал прочь, расплескивая грязь. И Герменгельд тоже побежал, придерживая левой рукой правую, ту, которой бог коснулся.

А младший бог меч поднял. Книва зажмурился и голову запрокинул, горло подставляя...

Но не стал ему кровь выпускать чужой бог, а разрезал путы, и стали руки Книвы свободны. Книва глаза открыл и увидел, что не гневается на него чужой бог, а приязнь источает. Приязнь бога была... она была как ворчание старого Ханалы. Но она бы-

ла. И под напором этой божественной приязни нечистота, что сидела в Книве, вдруг съезжилась и вышла вон. И не стало ее. Бог избавил Книву от нечистоты.

Вне себя от радости Книва запрокинул голову и издал боевой клич. Сорвал с пояса квеманскую голову, в небо швырнул. Пусть чужие боги потешатся, глядя на квеманскую голову, кувыркающуюся в небе.

Старший бог равнодушно проводил взглядом голову.

И понял Книва, что не квеманские это боги. Не было им дела до квеманской головы.

Старший сероглазый бог что-то сказал второму, оскалился, сильно хлопнул Книву по плечу.

Книву наполнила гордость. Бог коснулся его! Эх, жаль, Нидада не видит.

Теперь Книве было жалко Нидаду.

Молодой бог, который только что дружески ухмылялся Книве, вдруг сделался строг. И старший бог нахмурился.

Стало быть, так надо. Стало быть, должен был Нидада умереть.

Книва кивнул. Воин должен быть сметливым. Иначе не быть ему воином. Убьют.

Глава пятая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ. БОРТ «СОЮЗ ТМ–М–4»

— Ну что? На следующем витке? — Перевернутое лицо командира надвинулось сверху.

— Погоди... Вон глянь, там грозовой фронт подходит. — Алексей отодвинулся от иллюминатора, вытер пот.

Господи, жарко-то как! И все жарче становится.

Коршунов поглядел на свои руки, обтянутые серебристой тканью «пингина»¹, сжал кулаки, разжал. Ладони влажные. Противно. Хотя жара — это семечки. Кабы только жара...

После последней коррекции они окончательно потеряли закрукту. Энергия от солнечных батарей почти не идет. Соот-

¹ Специальный комбинезон для работы в условиях невесомости. Создает дополнительную нагрузку на опорно-двигательный аппарат. Крайне неудобен в условиях обычной силы тяжести.

ветственно, и система охлаждения почти не работает. А чтобы она работала, солнечные батареи должны быть, по возможности, всегда обращенными к Солнцу. Для этого кораблю следует придать вращательный момент. При этом скорость вращения должна быть синхронизирована со скоростью вращения вокруг Земли. Это и называется закруткой...

Алексей поймал себя на том, что бормочет себе под нос. Совсем крыша едет...

— Где, говоришь, фронт твой? — Геннадий придвинулся к иллюминатору.

— Да вон там, — буркнул Алексей.

— Где — там?

— Просвет в облачном слое в форме женской фигуры видишь?

— Этот, что ли, к югу? С титьками? — Командир висел вверх ногами, уцепясь за плечо Алексея.

На подполковнике Черепанове — такой же «пингвин». Из ворота торчит толстая борцовская шея, плавно переходящая в затылок. Мощный затылок. Подразумевающий словарь из десяти матерных слов и почти полное отсутствие мозгов в черепной коробке.

Как в анекдоте: «У вашего телохранителя сквозное ранение головы. Пуля вошла в височную кость — вышла из затылочной. Но жить будет, мозг не задет».

Несмотря на рельефную затылочную мускулатуру, мозги у командира есть. Причем, если подходить объективно, получше, чем у Алексея, хотя Коршунов — тоже не дурак. Кандидат физико-математических наук как-никак.

— Ага. С титьками. От него на север смотри. Видишь?

— Вижу, — проворчал Геннадий и матерно выругался.

— Давай южнее сядем, — предложил Алексей.

— Нет! — Командир был непреклонен. — Садиться будем туда.

Генка, когда решение примет, — хрен его сдвинешь. И это, в общем, правильно. Он — командир. И пилот — тоже он. А Алексей так, сбоку припека, космонавт-исследователь.

— Пока следующего захода дождемся, изжаримся тут, на хрен, — проворчал Коршунов.

— Терпи, казак... шашлыком будешь. — Командир усмехнулся.

Это точно, шашлыком.

Ладно, жара. Жару перетерпеть можно. Благо запасы кислорода еще позволяют наверху продержаться. Но Солнце, блин!

Здесь Солнце в пике активности. И не далее как несколько часов назад порадовало грандиозной вспышкой, выродив протуберанец. Спросите, что это означает? А то, что хватануть можно гамма-излучение, что называется, полной грудью. А через сутки с небольшим, как пишут в книжках, «земной орбиты достигнут потоки заряженных частиц». Это значит, что там, внизу, в небе заиграют полярные сияния. На радость эскимосам и чукчам. И тут, наверху, тоже будет ужасно весело. Усиление проникающей радиации плюс магнитная буря. Так что сейчас самое время сваливать. Но этот грозовой фронт, черт бы его взял! Вместе с Генкиным упрямством. Уперся командир рогом. Во что бы то ни стало нужно ему в намеченный район садиться.

Алексей глянул в иллюминатор, круглую дырку в боку корабля. Окно в большой мир. Хрен знает какой большой. И хрен знает *какой*...

Грозовой фронт уходил из поля зрения. Вновь потянулся сплошной облачный слой, под которым — такая же сплошная тайга, переходящая на севере в тундру.

— Леха, как там сканирование? — спросил он, не оборачиваясь. — Ты засек?

— Все по-прежнему.

По всем статьям, виноватыми выходили безвестные халтурщики.

Старт откладывался дважды. Сперва, буквально за несколько дней до пуска, обнаружилась неполадка в электрических цепях. Пришлось снимать носитель со стартового комплекса и возвращать его вместе с кораблем в МИК¹.

Неполадку определили. Исправили. Затем началась бюрократическая возня. Пришло решение, что летит дублирующий экипаж. Потом все снова переиграли, потому что Мишка — Генкин дублер — вроде приболел. Назначили время старта, носитель с кораблем установили на стол, Алексей и Геннадий вылетели на Байконур.

Произвели заправку. Тут выяснилось, что на первой ступени подтравливает один из трубопроводов подачи окислителя. Пришлось сливать топливо, и все повторилось сначала. Они вернулись в Звездный и ждали, ждали, ждали.

Наконец объявили о новом времени пуска. И они снова вылетели на космодром...

¹ Монтажно-испытательный комплекс.

Стартуй они в другое время — наверняка все прошло бы нормально. А так вышло — подгадали к моменту. Хотя почему подгадали? Может быть, и на Земле бы это достало. Может, и Земли-то нету уже. Может, конец света настал, «порвалась связь времен», как говорится...

Это была командирская гипотеза — о конце света — одна из многих. Алексей ее не поддерживал. Полагал, что явление, на которое они напоролись, — феномен локального характера.

Объяснить это Алексей не мог. Просто задницей чуял. Что с профессиональной точки зрения — не аргумент. Хотя командир, надо признать, свою сомнительную концепцию тоже без особого энтузиазма отстаивал. Из-за врожденной упертости, не иначе.

А Земля — вон она. Плывет в иллюминаторе, как в песне советской пелось.

На предыдущем витке проходили над «Тайгой». Так Байконур по документам проходил, когда в голой, безлесной казахской степи его строительство началось. «Тайга» — это чтобы враг не догадался.

Нет здесь никакого Байконура. А вот Великая Китайская стена есть. Ее с орбиты видно невооруженным глазом. Там сейчас облачности нет, так что Геннадий с Лехой на нее вдосталь налюбовались.

Кстати, после этого гипотеза о чужом мире отпала как-то сама собой. Была у них тут и такая гипотеза. А что еще остается делать? Только гипотезы и выдвигать. Можно, конечно, допустить, что и в чужом мире чужие китайцы сподобились такую стену сварганить. Можно. Но как-то сомнительно. Недостоверно. Они с Генкой — люди ученые. Им положено на факты опираться. А факты что говорят? Что корабль сейчас крутится вокруг Земли по несколько вытянутой орбите. Над одним и тем же участком поверхности проходит примерно раз в сутки с небольшим. Параметры орбиты могли быть и получше, но это все, что им удалось сделать. Точнее, не им, а Генке, потому что пилот — он.

Все-таки это Земля. И если использовать научный подход, то именно это и следует взять за основу. Была Земля — и есть Земля, поскольку факты этому не противоречат. С другой стороны, те же факты говорят, что это не совсем та Земля, с которой они взлетели.

В Северном полушарии лето. Было, когда они взлетали. И здесь — тоже лето. Примерно конец июня — начало июля. Но климат немного другой. Судя по тому, что граница снежного покрова в приполярных областях распространяется дальше на юг, здесь несколько прохладнее... Теоретически.

В океанах рыбы тьма-тьмушая. На борту их корабля специальная аппаратура — по определению рыбных запасов в морях и океанах. Рыбные косяки засекает. Судя по ее данным, косяки здесь в океанах ходят гигантские. И этим данным можно верить, потому что космические разработки у нас — лучшие в мире. Елки-палки! У России такой опыт по созданию собственных орбитальных станций, которого нет больше ни у кого. Два основных модуля МКС — нашей разработки. Штатники только стыковочный узел на орбиту вывели да солнечные батареи на «Шаттле» доставили. А в итоге что? В итоге Россия имеет всего около тридцати процентов долевого участия в МКС. И получается, что исследования на МКС оказываются очень дорогими. А своей орбитальной станции нет. «Мир» затоплен. Поэтому их корабль битком набит научными приборами для исследований, которые Алексей с Геннадием должны были провести в те двое суток, пока сближались с МКС. Взгляд из космоса нынче всем нужен, без него теперь никуда. Неприлично даже — вдруг отсталой страной сочтут. А программа исследований на МКС и так забита под завязку. Вот и нагружают. Так дешевле выходит.

Военные интересы России, опять-таки. Которые на международную станцию не потащишь. Интересно, можно их феномен с точки зрения военных интересов использовать? Наверняка можно. Особенно если разобраться, в чем, собственно, он состоит и что именно с ними случилось.

Глава шестая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ. ВНЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ

В тот момент у Алексея с Геннадием по расписанию сон был. А перед этим с ЦУПом связывались. Все более или менее нормально шло. Из ЦУПа им сообщили, что медицинские показатели хорошие. Для первых суток полета. Адаптация к невесомости в организме в те часы шла полным ходом, так что посоветовали поменьше двигаться. Но это так, риторика. Двигаться тут негде — несколько кубических метров. Летающая шкатулка. Обычный транспортник — на станцию и обратно. Максимально удешевленный корабль.

О том пробуждении лучше и не вспоминать. Первое ощущение — ком к горлу. Невесомость. Кабина, залитая ярким светом, — Солнце лупит прямо в иллюминатор. И почти одновременно — Генкин голос: «Связи нет!»

Алексею перед этим что-то донельзя запутанное и причудливое снилось, и поначалу показалось, что явь — продолжение сна.

А потом Генкины слова ВДРУГ дошли: нет связи.

Связь на корабле — это все.

А ее не было. Ни с Землей, ни с МКС. Ни с кем.

Того не могло быть. В принципе. Но было. И есть. Они по-прежнему крутятся вокруг Земли по какой-то несуразной орбите, наклоненной чуть ли не под прямым углом к экватору. Орбита вытянутая, с минимальной высотой в сто с небольшим километров. И вдобавок нестабильная — на таких высотах уже сказывается сопротивление верхних слоев атмосферы. И в верхней точке раз в два часа Алексей и Геннадий исправно хватают дополнительные дозы облучения. Там уже граница радиационного пояса начинается.

Спали они часов пять с небольшим. Что могло за это время произойти?

Ответа нет.

Какая такая нечистая сила могла изменить орбиту корабля? Не их автоматика, это точно. Расхода горючего не было. Автоматика лишь попыталась откорректировать закрутку на Солнце.

Земля есть — вон она — бело-голубая на дневной стороне, черная на ночной, как положено. Совершенно черная, без всякого намека на свечение городов. Полное отсутствие связи. Полное отсутствие активности в радиодиапазоне. Что это? Внезапный конец цивилизации, от которой осталась только Китайская стена? Гнев Божий? Похоже на то, что Некто вдруг взял и стер с лица планеты нашкодившую цивилизацию. Вкупе с продуктами ее жизнедеятельности. Но почему-то не тронул Китайскую стену.

Сначала были те, первые после пробуждения, сутки. Воспоминания о них сейчас задвинуты куда-то вглубь. Там они бродят, бурлят, но до поры до времени наружу не просятся.

Первым делом Геннадий произвел коррекцию орбиты. Извел почти все горючее, предназначенное для стыковочных маневров.

Не подумайте, что на космическом корабле, как на автомобиле, можно пространство рассекать. Коррекция орбиты — не та штука,

на которую решаются с бухты-барахты. Тем более что в данном случае это означало отказ от стыковки.

От какой, на хрен, стыковки? С кем?

Именно этот вопрос Алексей задавал Генке не раз и не два. А тот все не мог решиться. Снова и снова пытался выйти на связь на всех мыслимых и немыслимых частотах.

Его нельзя осуждать. Он — командир. Вся ответственность за полет — на нем. Такая ответственность, что... Алексею в пору плакать от счастья, что он всего лишь космонавт-исследователь.

Но ответственность будет там, внизу. Если будет. А пока они — как два жука в одном спичечном коробке. Коробок летит, и жукам остается поглядывать в дырочку иллюминатора и гадать, чем все это кончится, и ясно только одно: судьба у жуков общая. По крайней мере, до посадки. Если она будет.

Коршунов с Геннадием не раз и не два проверили все системы корабля — особенно блок связи. Все работало. И должно было работать. Техника здесь сверхнадежная. Все, что можно, — продублировано. Особенно в блоке связи. В первую очередь — в блоке связи. Их ведь на корабле вообще три, считая тот, что в спускаемом аппарате. И все — независимые. И все — в норме. А связи нет...

Проверили, в общем. А потом Черепанов принял решение. Первое в цепочке решений. Решение о коррекции орбиты.

Коррекция заняла еще сутки. К этому времени набралось уже довольно много данных.

Эфир пуст. Огней городов нет по причине отсутствия самих городов. Никаких признаков глобальных ядерных катастроф. Планета жила своей жизнью. Естественной. Удалось засечь несколько крупных лесных пожаров на территории Канады. На Камчатке шло извержение Ключевской сопки.

Зато в околоземном пространстве пусто. МКС здесь нет. На связь она, по крайней мере, не выходит. Ну, допустим, МКС накрылась, но куда делись сотни спутников связи, ретрансляторов, военных всяких... Не может быть, чтобы все сразу... Но — было.

Постепенно на Алексея и Геннадия снизошло какое-то исследовательское благодушие. Это трудно описать. Не было ни паники (ушла куда-то), ни героизма, как в книгах пишут. Они просто наблюдали. И делились впечатлениями.

Конец этому абсурдному спокойствию пришел на четвертые сутки полета. От нечего делать они с командиром решили

взглянуть на то, что под ними, вооруженным глазом. Точнее — вслушаться вооруженным ухом. А короче — попробовать ту аппаратуру, о которой распространяться не стоит.

Им бы, олухам, сразу до этого допереть!

Аппаратура живо нащупала всплесковое радиоизлучение. На очень-очень специфических частотах. Излучение шло от точечных источников. Источников этих обнаружилось аж несколько. Располагались они по вытянутой полосе от Приднестровья на запад, примерно до Вислы. Один находился на южном берегу Балтики.

Излучение шло с примерным периодом в несколько минут. При этом тон задавал самый восточный радиоисточник. Остальные как бы отзывались радиовсплесками через несколько секунд. Время от времени проходил как бы супервсплеск с амплитудой, в несколько раз превосходящей обычную.

Они с Геннадием тогда очень быстро выяснили, что это происходит не само по себе. На других частотах обнаружилось еще две группы источников. Одна в Скандинавии и в Западной Европе, другая — вдоль побережья Ледовитого океана. Радиовсплески от этих объектов были крайне слабыми, шли очень редко и были лишены видимой периодичности. Но первая группа (Геннадий с Лехой назвали ее основной) отзывалась на них супервсплеском.

Блин! Это уже было нечто. Какая-то зацепка. Тем более что они посчитали и пришли к интересному результату. Если бы шло, как положено, и они двигались по первоначальной расчетной орбите, то к моменту, который предшествовал их внезапному пробуждению (по корабельным часам), должны были проходить аккуратно над «днепровским» объектом.

А раз так, то не связать ли этот объект с той... х-м-м... ситуацией, в которой они с командиром оказались?

— Леха, ты из своих вещей будешь что-нибудь забирать?

Это не вопрос. Это скрытая просьба.

— Командир, что ты как девочка! В нем же всего граммов сто.

— Сто сорок. — В голосе Генки слышалось смущение.

Речь идет о пластмассовом уродце типа Буратино. Алексей не знал, с чем он там в командирской жизни связан, — стеснялся спросить. Но у подполковника он — вроде амулета. Раньше Буратино у Генки в автомобиле болтался.

Вообще-то амулеты у многих космонавтов имеются. И в приметы они верят. На Байконуре перед полетом на двери гостиницы фло-

мастером расписываются. И «отливают на колесо» возле стартового стола. А в Плесецке на носителе слово «Таня» пишут. Чтобы старт был успешным. Впрочем, оттуда пилотируемых полетов не производят.

После того как эти радиостанции обнаружались, Геннадий воспрял. Нотки командирские в голосе снова появились. Решил всю намеченную программу исследований провести до конца.

И взялись они с Алексеем за выращивание кристаллов и за опыты с мушками-дрозофилами.

Черепанов — человек военный до мозга костей. Таким себя и показал. В полный рост.

— Слушай, Алексей, сюда. Внештатная ситуация вовсе не отменяет наших с тобой обязанностей. Мало ли что. А так у нас с тобой программа выполнена. Вот, пожалуйста, результаты.

— Что значит «мало ли что»?

— А то и значит, — отрезал командир.

Перед этим они повздорили. По программе они должны были провести съемку некоторых районов Бразилии. По заказу тамошнего правительства. Собственно, они и начали этим заниматься по плану. Еще ТАМ.

ЗДЕСЬ в этих районах сплошные джунгли. ТАМ джунглей нет и в помине. Свели их под корень.

— Так что с Бразилией делать? С джунглями?

— Ты, Леха, не рассуждай — ты работай. Привязка к координатной сетке есть?

— Есть.

— И время съемки есть. Остальное тебя не касается. Это не наша забота.

— А что, по-твоему, НАША забота? — Алексей посмотрел на командира.

— Доставить результаты по назначению. — Он криво усмехнулся. — Если получится.

Теперь результаты подготовлены к возвращению на Землю. Что ж, пускай летят. Может, и прав командир. Может, у него инструкции какие на этот счет имеются. Вот будет забавно, если все это — некий секретный эксперимент, о котором Коршунова просто не поставили в известность. У нас — могут. Хотя вряд ли. С чего бы тогда командир так дергался? Или его тоже *не поставили*?

Над Калифорнией проходим. В Калифорнии Алексею довелось побывать. Ненароком. А во Флориде нет. Так вышло.

Они с Лехой тогда возвращались из первого полета на «Дискавери» с американским экипажем. Вход в атмосферу произвели, как и положено, в восьмистах километрах от посадочной полосы, над Атлантикой.

«Шаттл» входит в атмосферу хвостом вперед, с работающим двигателем, и движется так, гася скорость, пока не попадает в плотные слои. И отлетает от них вверх. Как плоский камешек, пущенный по воде. А отлетев, совершает хитрый маневр, переворачиваясь в воздухе, и снова входит в атмосферу. Примерно в ста шестидесяти километрах от полосы. Дальше садится как обычный самолет. Тут вся хитрость, чтобы к полосе он приблизился под углом в двадцать два градуса. Не больше и не меньше.

А у шаттников что-то не заладилось. Короче, Хьюстон отменил посадку на Каннаверале. «Шаттл» через всю Америку махнул и совершил посадку возле другого океана — Тихого. У них там вторая полоса имеется, на базе Вандерберг. Тогда все перетрухнули здорово. В американском экипаже бабенка была — крутая, круче некуда. А тогда сидела аж вся белая. Сблелнула с лица, как говорится.

Нет, наша система посадки все-таки понадежнее будет. Относительно. Ну да космонавтика — дело вообще рискованное.

И они с Алексеем тому живой пример.

— Командир, как ты думаешь, что это может быть? Ну источники эти?

— Чего гадать. Спустимся — посмотрим.

Алексей несколько раз пытался рассмотреть места, откуда радиоизлучение идет. Места как места. Ничего особенного.

Садиться решено возле днепровского объекта. Правда, близко сесть не удастся — только километрах в трехстах. Место, откуда сигнал идет, они зафиксировали. Там река излучину делает. Но там — сплошные леса. Потому и не сесть поближе.

С экологией тут — просто замечательно. Вот по поводу Америки Геннадий с Лехой все гадали, что за темные огромные тени по равнинам медленно клубятся? А потом доперло — стада бизонов.

В общем, есть *очень похожая на Землю планета*, на которой имеется Великая Китайская стена и бизоны, которых американцы еще в девятнадцатом веке повыбили напрочь. И леса стоят, которые вырубил. Так что напрашивается еще одна гипотеза. Такая, которая объясняет, почему леса здесь *еще* не успели извести, а бизонов — перебить. И заодно некие изменения релье-

фа тоже объясняет. С точки зрения Коршунова — абсолютно логичная гипотеза, которая гласит, что Земля — *та самая*. Но с коррекцией во времени минимум на полтораста лет. И не более чем на две тысячи — или когда там Великую Китайскую возвели?

Сверху посмотреть, так внизу чуть ли не палеолит. Только Китайская стена и утешает.

Городов они, как ни старались, никаких рассмотреть не смогли. Хотя это ничего не означает. Нет у них на корабле таких гляделок, что на разведывательные спутники ставят. Таких, которые в хорошую погоду вывески на магазинах разобрать могут. А через тот же иллюминатор с такой высоты километровая проплешина в тайге крохотным пятнышком кажется. В хорошую погоду. А в Европе это лето, по всему видать, дождливое выдалось. За все то время, что они тут крутятся, циклон за циклоном от Атлантики идет. И облака все закрывают. Правда, источники радиоизлучения разбивают Лехину гипотезу вдрызг. Не было ни в девятнадцатом веке, ни тем более раньше техники, способной генерировать подобные импульсы. Если, конечно, не привлекать вдобавок к версии «провала во времени» еще и инопланетян. Но летающей посуды по курсу пока не наблюдается. Ладно, как-нибудь выкрутятся. Все-таки на свою территорию садятся. Отец-командир в конкретное место целит: поближе к первому, приднепровскому источнику, но чтобы на российской территории. Куда-нибудь на юг Ростовской области. Правда, их «точность» — это плюс-минус километров четыреста. Так что можно и на территорию самостийной Украины угодить, и в Азовское море. Легко. Хотя насчет моря подполковник наверняка подстраховался. А Украина... Если гипотеза Коршунова все же верна, а внизу имеются люди, то Россия там или Украина — без разницы. В любом случае не какие-нибудь папуасы, а братья-славяне. Со своими-то уж как-нибудь договоримся...

Глава седьмая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ. ПОСАДКА

- Алексей. — Голос у командира хриплый.
- Да.
- Дай обратный отсчет.

— На кой он тебе?

— Сказано тебе: дай обратный отсчет. — Но металла в голосе подполковника не чувствуется.

— Не могу, — честно признается Коршунов.

— Дрейфишь?

— Да.

— Хм-м... Я тоже... Не без этого.

Темно. Корабль над ночной стороной. В иллюминаторе звезды. Много. Темно и тошнотно. Так и не успели привыкнуть к невесомости. И не доведется уже привыкнуть.

«Земля» — она вон там. В иллюминатор сейчас не видно. «Земля» в кавычках. Того, что происходит, не может быть. Не может быть, потому что не может быть никогда...

Глупости какие в голову лезут.

— Леха, — командир нарушил молчание.

— Да.

— Я начинаю отсчет.

— Начинай. Я готов.

Алексей глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Вспомнилась старая, еще школьных времен, присказка: «Перед смертью не надыхаешься». Это перед экзаменами.

Пошел отсчет. Никому не нужный.

...Один... Ноль...

Ключ на пуск...

Вибрация. И вес...

Бездушная автоматика гасит скорость... Уводит вниз. Туда, во мрак и неизвестность...

ВЕС! И тишина. Тут наверху всегда тишина. Тут даже на атомы разлетаешься в тишине. Невыносимая тишина...

Тяжесть и тьма...

— Командир. Когда Солнце?

Не отвечает. Смотрит перед собой. Губы вроде шевелятся. Молится, что ли?

Страшная это штука — посадка. Страшная, потому что... Потому что долгая очень... ВЕС!..

— Леха...

— Что?

— Как думаешь... нам Героев дадут?

Подбадривает. Или сам бодрится.

— Непременно. Нас внизу уже генерал с орденами поджидает.
— Менты.
— Что — менты?
— Там, внизу.
— Где?
— Под облаками... Поджидают... За самовольный сход с орбиты... Сядем. Навеки...

Все шуточками своими сыплет.

— Когда отделение?

— Скоро уже...

...Солнце! В черном небе ослепительное Солнце. Прошло через иллюминатор, слепя, и исчезло. А следом вползла бело-голубая махина и заполнила собой все. Вышли на дневную сторону. Над океаном идем...

...Вся Европа по-прежнему затянута пеленой облаков, лишь местами темнеют разрывы. Над Россией все тот же громадный циклон...

Кораблю еще раз входить в ночь. Потом снова в день. И только в том «дне» — отделение.

...Мрак. И звезды. И страх. На орбиту уже не вернуться, скорость потеряна. «Союз» несется в ночи над неведомым.

Алексей с Геннадием молчат. Уже полтора часа молчат. Каждый — о своем. И теперь наступает самое-самое...

Отделение! За задраенным люком спускаемого аппарата теперь пустота. Корабль с двигателями, с кислородом, с водой, с ассенизационно-санитарным устройством теперь сам по себе.

От перегрузки в глазах плывут красные круги. И не вздохнуть. На грудь будто слон сел. Спускаемый аппарат теперь несется в сияющем коконе. Вибрация пронизывает до костей. По иллюминатору будто волны идут — оплавляется наружное стекло.

Чудовищный толчок — тормозной парашют сработал. Сработал!

И сразу почти — или это показалось, что сразу, — второй толчок. Основной парашют! За оплавленным иллюминатором небо. И не черное, а фиолетовое уже...

Вошли в облака. За иллюминатором молочная белизна. Потом тени какие-то мелькнули. И удар! Потом еще один!

Спускаемый аппарат тряхнуло, подбросило, перевернуло, еще раз...

Глава восьмая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ. ЖИВЫ!

— Живы, — прохрипел Алексей. В ушах молотом бухало — сердце отчаянными толчками гнало сквозь сосуды кровь. Собственный голос казался чужим, каким-то ломко-стеклянным. Соленый пот жег глаза. Жарко, как в бане.

— Ну что, Леха. — Кряхтя, Геннадий заворочался в своем кресле. Повернулся к Алексею. Ощерился. Видно, попытался улыбнуться. Но вышло это у командира плохо. — Понравилось летать?

Алексей смачно выматерился. Нижнее белье под комбинезоном было совершенно мокрым от пота и противно липло к телу.

Коршунов покосился на иллюминатор. Ни черта не видать. Залипало грязью, должно быть.

— Вроде на ровное сели, — пробормотал командир. — Ничего не чувствуешь.

— Почувствуешь туг. — Алексей закрыл глаза. Потянулся было расстегнуть ремни.

— Погоди, — остановил его командир. — Давай-ка по инструкции.

По инструкции так по инструкции. Алексей попытался расслабиться. Подождем. Несколько минут погоды не сделают.

Этот после посадочный момент был расписан в инструкциях чрезвычайно подробно. И правильно. Как ни крути, а садишься все равно вслепую. Особенно когда садишься вот так, на ручном. Можно и на воде оказаться, и на крутом склоне. И на территории «дружественных» соседних государств. Словом — везде. Оттого и уделяют в программе подготовки так много внимания вопросам выживания. Море, пустыня, тайга — три природные зоны, где ты должен уметь продержаться, пока служба поиска не обнаружит спускаемый аппарат.

Тайга — это оказалось самым сложным. А самым простым почему-то оказалась пустыня. Странно, но факт. Хотя, казалось бы, все должно было быть с точностью до наоборот.

— Слышь, командир, — Алексей повернулся к Геннадию, — а помнишь, как мы на Тикси-то выживали?

Командир неопределенно пожал плечами.

Их — сразу три экипажа — тогда забросили в приполярную тайгу. И там, на полигоне, под наблюдением инструкторов они несколько дней проходили суровую школу таежного выживания.

Самым сложным было свыкнуться с абсурдом ситуации. Инструкторов было много. Они всегда были рядом. И молчали. Собственно говоря, инструктировать им было запрещено. Они лишь наблюдали. Фиксировали все твои промахи, все ошибки. Оценивали, как ты стучишь зубами от холода, как окоченевшими руками пытаешься нарубить сучьев для костра. Как жмешься к огню, уныло жуя пищевой концентрат из НЗ. Брр!

— Генка, а помнишь...

Алексей осекся. Командир неотрывно смотрел перед собой. Потом вдруг резко начал расстегивать ремни.

— Быстрее, — бросил он. — Кажется, мы погружаемся! Неужели все-таки на воду?..

Измученное тело отзывалось на каждое движение болью. Координация разладилась. Все-таки невесомость давала о себе знать. Беззвучно ругаясь про себя, Алексей выпростался из наклоненного набок кресла, завалился было на пульт. Ох, черт!

Командир уже отдраивал люк.

— Не спи, Леха! Спецкомплект давай!.. Документацию!..

В раскрывшееся отверстие входного люка ворвался наружный воздух, охладив лицо. И тотчас запахло болотом и окалиной.

Только этого не хватало.

Алексей сунул Геннадию документацию. Тот вышвырнул ее наружу. Следом полетел спецкомплект, за ним НЗ.

— Пошли, — не оборачиваясь, командовал Геннадий. И полез наружу.

Спрыгнул и тут же увяз. Спецкомплект лежал в нескольких шагах. С усилием переставляя ноги, сделал пару шагов, наклонился...

— Блядь! — послышался сзади Лехин голос.

Что-то звучно шлепнулось рядом.

Геннадий медленно выпрямился. В глазах у него слегка двоилось — последствия невесомости, — поэтому все казалось нечетким. Полотнище парашюта, дальше — мелкое болотце, поросшее камышом, невысокий бережок... А там...

«Картинка» плыла, но не настолько, чтобы не разглядеть, что там, за намокшим полотнищем парашюта, за щеткой камыша, у края болотца — люди. Не очень много. Десятка полтора. Они стояли неподвижно, как вкопанные. Кроме одного. Тот, извиваясь, катался по земле...

Глава девятая

ГЕННАДИЙ ЧЕРЕПАНОВ. КОНТАКТ, НЕ ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ПРОГРАММОЙ ПОСАДКИ

— Командир!..

Голос Алексея из-за спины. В голосе — растерянность.

Геннадий перевел взгляд на упавший предмет. Перемазанная грязью человеческая голова. Небольшая. Крупные зубы в оскале черного с прозеленью рта. Длинные слипшиеся волосы. Ни бороды, ни усов. Женская?

Внутри шевельнулось ледышкой от нехорошего предчувствия.

— Документация!

Геннадий не выговорил — выхаркнул приказ, шаря рукой по застежкам спецкомплекта, одновременно медленно пятясь назад.

— Дай я. — Рука Алексея потянула на себя спецкомплект.

— Документация!!!

— Она... — Алексей с силой дернул спецкомплект.

Теперь Геннадий и сам увидел ее. Полетная документация лежала неподалеку от головы.

— Держи!

Алексей сунул ему тесак.

Геннадий обернулся, бросил взгляд на спускаемый аппарат, постепенно уходящий в болото. Против воли сознание с фотографической четкостью зафиксировало черные вытравленные слова на порыжелой дверце входного люка: «Внимание! Внутри люди». И — ниже — тот же текст по-английски.

«В первую очередь уничтожить документацию!» — эти слова точно так же вытравлены в его сознании, как буквы — в стали люка.

Люди на берегу вели себя странно. И выглядели странно...

«В случае, не предусмотренном инструкцией... в первую очередь следует уничтожить полетную документацию...»

Геннадий наклонился... От головы ощутимо тянуло трупной вонью. Болото воняло болотом.

— Шашку! — бросил он через плечо. Толстая папка лежала у него под ногами. Рядом с вонючей головой. В болотной жи-

же. — Шашку принеси. И сигнализацию отключи: нехрен аккумуляторы сажать.

Люди на берегу смотрели на них через зеленую щетку рогоза. «За самовольный сход с орбиты подполковник ВВС Черепанов приговаривается...»

Сирена перестала стонать.

— Командир!

Увязая в болотной жиже, шатаясь как пьяный (нормальные последствия невесомости), Алексей торопился к нему. С термитной шашкой в одной руке и тесаком — в другой. Идиотизм.

— Зажигай, — скомандовал Геннадий.

* * *

Геннадий с Алексеем стояли на парашюте. Порывы ветра то бросали клубы тошнотворного жирного дыма в их сторону, то гнали дым на тех, кто стоял на краю болотца. В последний момент Геннадий не удержался, толкнул голову к документации. Зачем — он сам не мог объяснить.

Здесь, на натянутом тяжестью спускаемого аппарата парашютном шелке, хотя бы ноги не увязали. Только надолго ли? Аппарат неторопливо окунался в топь, увлекая за собой парашют.

— Неудачно сели, — пробормотал Алексей.

Скоро через раскрытый люк начнет затекать внутрь болотная жижа.

— Какая разница, — отозвался командир. — Часом раньше, часом позже.

— Промахнулись-то всего ничего. До твердой земли рукой подать. — Алексей взвесил в руке тесак из спецкомплекта. — Что теперь делать будем?

— Согласно инструкции...

С берега, от группы людей, донесся полный невыразимой тоски вой.

Алексей вздрогнул:

— Ты хоть что-нибудь понимаешь? Где мы? Что происходит?

— А я знаю? — огрызнулся Геннадий. И добавил уже спокойнее: — Ничего не предпринимай. Сейчас разберемся...

В толпе на берегу вдруг наметилось какое-то движение.

«Черт!» — подумал Геннадий, пытаясь разглядеть, что там происходит. Но зрение еще чудило, и камыш этот...

Двое сволокли третьего с берега в жижу. Похоже, этот третий и вопил. И извивался. Но как-то странно. Связан, что ли? Что они там делают?

Вой вдруг оборвался на высокой ноте. Сразу стало как-то по-особому тихо.

Геннадий судорожно сжал пальцы на рукояти тесака.

— Что делают! — выдохнул Геннадий.

Двое возвращались. Вот они схватили еще одного...

— Ах ты мать моя... — пробормотал Алексей.

Двое волокли третьего. К ним волокли. Точно! Связанного! Серьезные ребята. У одного — топор на поясе. Второй — с ножом, перепачканным в крови. Ах ты!.. Пистолет в аппарате остался! Черепанов его еще на орбите из спецкомплекта вынул. И забыл. Теперь из оружия — один этот тесак дурацкий!

Но Геннадий не полез за пистолетом. Чувствовал: уходить нельзя.

У края парашюта трое остановились. Двое — здоровенные мужики, зверообразные, патлатые, бородатые, в кожаных куртках и штанах с широченными поясами. Третий — совсем мальчишка. Связанный. Глаза у пацана были синие и ясные. И глядел с надеждой... И потянулся вперед, к Геннадию...

«Не вмешиваться, — приказал себе Черепанов. — Это не наши разборки».

— Слышь, командир, не нравится мне это, — проворчал Алексей. — У этого волосатого кровь на ноже. Свежая. И взгляд нехороший. Так и хочется в глаз дать...

— Спокойно, Леха! — Сознание Геннадия уже переключилось на «боевой режим».

Так, серьезного оружия у противника нет. Кабы не «отходняк» от пребывания в невесомости и пистолет в кармане, можно было бы особо не дергаться.

— Спокойно. В глаз давать категорически запрещаю. Там, на берегу, таких — целая толпа. Не видишь, что ли? Пока нас не трогают — нишкни! А я попробую договориться.

— Попробуй. Только, по-моему, они, по-русски, по нулям.

— По-моему, тоже...

Геннадий шагнул к странной тройце, изобразил улыбку.

— Ты бы лучше эту штуковину спрятал, — сказал он строго, указывая на нож.

Не поняли.

— Easy man, easy. Say, let this fellow to go. No murder, OK? — Геннадий перешел на английскую мову.

— Не врубаются они, — констатировал факт Алексей. — Ну-ка я... Laisse lui! — сказал Коршунов бородачу, кивнув на юнца. — А пацана развяжи. Нехорошо это. Вери бед. Моветон это.

— Не канает здесь твой французский, — процедил Черепанов. — А ну-ка отпусти парня! — рывкнул он командным голосом.

Парнишка глядел на Геннадия с надеждой и восторгом. Просто как на икону глядел...

Тут бородач, нехорошо ослабившись, ухватил пацана за волосы, запрокинул ему голову...

Черепанов еле успел перехватить его руку. Рефлекс сработал, обучили Геннадия в свое время крепко. Лево́й (в право́й — дурацкий тесак) — перехват, поворот — и болевой. Прошло как по писаному. Бородач о дзю-дзютцу понятия не имел. Выронил нож, заорал, на колени грохнулся... Геннадий, еще не оклемавшийся от невесомости, силу не соразмерил.

Боковым Черепанов увидел, как на второго, белобрысого, грязного, охламона надвинулся Алексей. Взял на контроль на всякий случай. Тем более у мужика топор к поясу прицеплен и тоже нож в чехле. Но мужик нападать и не думал. Явно перетрусил. Задом-задом — от Лехи... Споткнулся, шмякнулся в грязь, тут же подскочил — и к берегу. И тот, который ножом размахивал, про нож забыл. Припустил — только грязные брызги в стороны.

— Развяжи мальчишку, — скомандовал Геннадий.

Алексей шагнул к парню (тот зажмурился, запрокинул голову — блаженный, что ли?) и перерезал веревки, похлопал по плечу:

— Все нормально, пацан. Перезимуем. Только без глупостей! — добавил он строго. — Мы — русские космонавты. Международный проект. Совместный...

— Леха, ты бы лучше помолчал, — посоветовал Геннадий. — Погляди, какое у него украшение на поясе.

На поясе у синеглазого мальчишки имелась еще одна голова. Явно мужская. Это как-то не вязалось: юное «просветленное» лицо — и отрезанная бородатая голова в засохшей кровянице.

И тут мальчуган проявил себя в полный рост: подпрыгнул, сорвал с пояса «украшение» и зафигачил в небо. А потом издал дикий вопль — аж уши заложило. На физиономии — полный восторг. Как у баскетболиста, забросившего в финальном матче.

Алексей проводил взглядом взлетевшую голову, сказал:

— Неплохой бросок. Что будем делать, командир? У нас с тобой запасных голов нет.

— Что делать, что делать... — проворчал Геннадий. — Выживать будем. Строго по инструкции.

Синеглазый парнишка больше не улыбался. Глядел на них, то на одного, то на другого, очень серьезно и очень внимательно. Похоже, указаний ждал...

Глава десятая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ. КОНТАКТ, НЕ ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ПРОГРАММОЙ ПОСАДКИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

«Вот это называется „не вмешиваться“», — подумал Алексей.

Ну командир, ну орел! Военный летчик, блин. Сверхбыстрая реакция. Уловил, что местные дрейфят, — и отреагировал. Парнишку спас и... Дальше, впрочем, большой вопрос. Может, этот симпатичный парнишка — местный сексуальный маньяк? «Злыдень писюкатый», как говорят на самостийний Вкрайини. Или убийца серийный, который головы отрезанные вместо мяча использует. И решило местное самоуправление его казнить. В присутствии свидетелей. А свидетели...

Местный «маньяк-убийца» преданно глядел то на Алексея, то на командира.

— Командир, — Алексей повернулся к Геннадию, — что дальше делать будем? Командуй.

— Пальцы гнуть, — буркнул командир. Он думал.

— Каумантиир, — вдруг сказал синеглазый парнишка. — Каумантиир, — повторил он, с восторгом взирая на Геннадия.

— А я — Алексей. — Коршунов показал на себя. — Алексей.

Пацан сглотнул. Затем зачем-то вытер руки о грязные портки. Постучал себя в грудь. И доложил:

— Книва.

— Так, Леха, последи за ситуацией, — бросил Геннадий и полез в люк. Споткнулся, выматерился. С координацией у него по-прежнему было неважно. И это очень неприятно, если их вдруг захотят побить. Или убить.

Парнишка вертел головой. Поглядывал то на Коршунова, то в дырку люка. С опаской.

Геннадий возился внутри недолго, вылез буквально через минуту, задраил люк. Разумно. Вода плескалась уже у самого края.

— Забирай барахло, Леха, и пошли, — распорядился он, махнув тесаком в сторону края болота. — Хрена тут топтаться.

И, пошатываясь, захлопал к берегу. Голубоглазый Книва с готовностью потрусил за ним.

Глава одиннадцатая

ТРАВСТИЛА-КУЗНЕЦ. ЧУЖИЕ БОГИ

Отсюда, с края болота, хорошо видно было вместилище и богов подле него.

Боги ли?

Травстила видел богов. Боги нередко приходили в кузню. И они, боги, были иными. Боги таились в тенях. Или вдруг на миг показывались в языках огня. Иногда боги разговаривали с Травстилой. Но не так, как они разговаривают с бесноватыми. Иначе.

Порой боги были недовольны и губили железо. Но такое происходило редко. С годами Травстила научился ладить с богами.

Травстину боги давали советы. Мол, вот так надобно делать и вот так. Тогда все выйдет как должно. А если Травстила ошибался, боги сердились и портили работу.

Те, что стояли на парусе, цвета снега и крови, были другими богами. Но Травстила знал, что облик у богов разный бывает. В Вальхалле тоже другие боги были. Не такие, как в кузне. И не такие, как эти.

В Вальхалле Травстилу жрец Овида водил. Вот уж кто в богах разбирается, и в своих, и в чужих. А как иначе? Он, Травстила-кузнец, топоры кует. Может и меч выковать. А Овида воинов выковывает. В мужской избе. Тоже кузнец в своем роде. Исстари так заведено. И это мудро.

Вчера, когда эти двое сопляков с квеманскими головами в село заявили, екнуло что-то в Травстиле. Чувствовал, добром все не кончится.

Спозаранку, чуть свет, пошел к Губериху-бобылю. И велел к Овиде в капище поспешать. Пусть-ка Овида-жрец сам, своими глазами посмотрит.

Не иначе, кто-то из богов, из настоящих богов, совет нашептал. А то вон как все повернулось.

Да, вместилище. Непростая вещь, коли по небу летает. Только вот зачем глаз нужен? Ишь какой, будто кровью налитый.

Может быть, чтобы злых духов отпугивать?

Но зачем богам духов отпугивать? Это все равно что рабов бояться.

Хотя...

Может, не уверены в своих силах чужие боги. Оттого и глазом сверкают. И руны вон на вместилище наложили. Может, и так. Может, сами боятся.

Вот и птицей железной кричат. Пугают. Только ясно Травстиле, что птица — не настоящая. Настоящая птица каждый раз по-разному кричит, хоть и похоже. А эта — раз за разом одно и то же. Стало быть, не птица это. Украли чужие боги птичий крик и заперли. А птица та небось теперь без одного крика в небе кружит.

Недоброе дело сотворили чужие боги.

Боги ли?

«А доброе ли дело мы творим? — размышлял Травстила. — Или от страха сами не свои сделались?»

Травстила смотрел, как Вутерих с Герменгельдом тащат к вместилищу Книву, сына Фретилы. Покосился на Фретилу. Стоит, в землю потупясь.

А Хундила-старейшина напуган. Так напуган, как никогда прежде напуган не был. Ни разу таким его Травстила не видел.

Что там происходит? Похоже, недовольны те, кто из вместилища вышел.

Травстила, напрягая зрение, следил за чужими богами. Вот у Герменгельда нож отняли, вот Вутерих опять в грязь свалился. Судьба у него сегодня такая — по грязи на четвереньках бегать.

Тут Травстила усмехнулся в бороду, вспомнив, как по-собачьи чесал по болоту перепуганный Вутерих. Небось теперь дурной спеси у парня поубавится.

Сбежали от богов Вутерих с Герменгельдом. Один Книва с ними остался. Правильный сын у Фретилы. Понимает, что богам храбрость по нраву. А если все же не боги это, а герои, то и героям храбрость по душе.

Вот приблизился один из богов к Книве, что-то сказал ему, не слышно отсюда. Книва вдруг радостно завопил и квеманскую голову вверх бросил.

Вокруг все заговорили: как так?

Фретила, отец Книвы, воспрял. Весь вперед подался. Оно и понятно. Жизнь рода выше всего стоит, но Книва — сын ему. При чем — младший. Младшего, известно, больше всех любишь.

Из болота выбрался на берег Вутерих. Герменгельда обогнал. Проворный. Глаза выгаращены, борода растрепана. Дышит, как конь после скачки. Только что не пена с бороды падает, а грязь болотная.

— Они, они...

На берег вылез Герменгельд. Мрачный. За руку держится.

— Да говори же! — рывкнул Хундила на Вутериха.

— Они не нашего языка! — выдохнул тот. — И не квеманского.

Уфф! Чужие боги!

— Как? — опешил Хундила.

Травстила не удивился. Но молчал пока.

— А вот так, — огрызнулся Герменгельд. — Вот.

Он показал руку, на которой остались следы от хватки бога. Так себе следы. Два пятна красных.

— Сдавил, как клешней раскаленной. Уж свет в глазах померк...

Травстила усмехнулся в бороду. Ужли так страшно? Вот кабы он своими клещами кузнечными Герменгельду ручищу сжал, так не только б мясо — кость размозжил. А тут два пятнышка. И не ожог, а так, кожа примята.

— Тихо, — вдруг выдохнул рябой Хиларих. — Сюда идут.

Боги шли тяжело, будто пьяные. Будто великая тяжесть лежала на них гнетом.

— А по болоту ходить не умеют, — заметил Травстила.

Хундила злобно зыркнул на кузнеца, но Травстила уже отвернулся.

На сухое место первым выбрался Книва. Боги приотстали. Одежда на них была дивная. Будто из гладкого серебра, а на вид — мягкая, словно холст. И тоже рунами испещрена... Нет, точно пьяны были боги, богатырски пьяны: шли, будто земля под ними качалась.

— Эх, — проскрипел Хапала, покачивая седой головой. — Бедой пахнет. От небесного пира оторвали квеманских богов. Что им наша малая жертва? Вон и Книву они не приняли. Надо было тебе,

Хундила, не своим умом думать, а на капище послать, за Овидой. Овида — жрец. Его в Вальхалле знают. Он с богами ладит. Надо было тебе, Хундила, за Овидой послать.

— Надо было, — буркнул старейшина. — Что уж теперь. Теперь пошлю. Прямо сейчас пошлю: Фретила, вели Сигисбарну...

— Не надо, — не повернув головы, бросил Травстила. — Я Губариха за Овидой послал. Еще засветло.

Глава двенадцатая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ. КОНТАКТ, НЕ ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ПРОГРАММОЙ ПОСАДКИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Перед тем как сойти с края парашюта, Алексей на миг помедлил. Все-таки это была «своя» территория. Он оглянулся на спускаемый аппарат, уже почти до половины погрузившийся в топь.

Чушь все это. Дикая невообразимая чушь.

Алексей мотнул головой и пошел вслед за командиром и Книвой, поминутно оскальзываясь на болотных кочках. Только бы не упасть. Падать сейчас никак нельзя.

Проклятое болото отвлекало на себя все внимание. Только выбравшись на относительно твердое место, Алексей смог наконец разглядеть тех, кто поджидал их на краю болота.

Увиденное не радовало. Люди, стоящие впереди, были как на подбор крупны и грязны. Рожи у всех мрачные, настороженные. На поясах топоры. В руках копья. Такие штуки Алексей только в музее видел. Но эти не выглядели музейными экспонатами.

Спасенный парнишка тут же, захлебываясь, принялся что-то толковать представителю краснорожему мужику с заметной проседью в бороде. Представительный некоторое время внимал недоверчиво. Супил кустистые брови. Рядом опирался на палку совсем ветхий сморчок. Тоже слушал.

Остальные, как ни странно, все больше и больше увядали. Переминались с ноги на ногу, искоса бросали боязливо-любопытные взгляды.

Ветхий старец что-то вякнул. Представительный рыкнул что-то — и Книва заткнулся.

Местные, все как на подбор крепкие, густо обросшие волосами, напоминали сибирских староверов. Или древних викингов. Мاستью, статью, основательностью. Взирали на пришельцев недоверчиво. Их можно было понять. Судя по щитам-копьям, уровень здешней техники был весьма далек от космического. Так что пара ребят, свалившихся с неба в «железном сундуке», — это, пожалуй, покруче, чем корабль с голливудскими «Хищниками», приземлившийся в окрестностях Кремля. И вполне понятно, почему они побаиваются. И хорошо, что побаиваются. С другой стороны, тут важно не переборщить. Слишком большой страх может подвигнуть их к активным действиям. И вряд ли Алексей с Геннадием смогут отбиться своими жалкими тесаками от двух десятков мужиков, пусть тоже с холодным оружием, но зато существенно более серьезным и куда более для них привычным. Нет, до драки дело лучше не доводить.

Среди местных между тем возник оживленный разговор. Главными его участниками были Представительный, дедок с палкой и широкий, как двуспальная кровать, мужик с физиономией, испещренной черными крапинами, и ручищами с совковую лопату каждая. Остальные тоже повякивали, но видно было, что шишку держат эти трое. И пожалуй, еще бородач, чем-то напоминающий недоросля Книву.

Алексей напряженно вслушивался в непривычные, хрипловато-растяжные звуки чужой речи, силясь понять. Отдельные слова вроде улавливались, но в целом язык был совершенно незнаком.

Еще Коршунов заметил, что Широкий и командир как-то особому друг друга рассматривают. И нашел, что было в них даже определенное сходство. Не то что оба — квадратные, а что-то еще. Этакое сродство в «мировоззрении», если можно так выразиться. В том, как эти двое «взирали на мир». И было ясно, что они друг другу понравились. Так бывает: встретишь незнакомого человека — и вдруг испытываешь к нему необъяснимую симпатию. Вот, думаешь, нормальный мужик...

Между тем жаркая дискуссия подошла к концу. Представительный что-то сказал Книве. Книва приосанился, ответил — голос аж звенел от гордости. Дед с клюкой тоже что-то проскрипел: верзила, которому командир руку выкрутил, подскочил к деду, взял под руку... И вся компания, кроме Книвы, двинулась прочь,

даже не попрощавшись. Один из аборигенов, помоложе других, проходя мимо Книвы, сунул ему в руки копье, а Широкий, уходя, подмигнул командиру. Тут Алексей понял, чем еще этот Широкий выделялся среди прочих аборигенов. Он не боялся.

Глава тринадцатая

ТРАВСТИЛА-КУЗНЕЦ, О ЗАКОНЕ ГОСТЕПРИИМСТВА

— По обычаю, их надо в лучшем доме принимать, — настаивал Ханала. — Как ты Одохара или Стайну принимаешь. Или еще кого из вождей. Хоть и чужие они, но — боги.

— То-то и оно, что чужие. — Хундила-старейшина погладил бороду. — Примешь чужих богов в свой дом — свои боги обиду затаить могут. Да и боязно это — чужих богов в дом звать. А не позвать — они и разгневаются могут.

— Точно-точно! — встрял рябой Хиларих. — Разневаются боги — и село разметают! А я только-только новый хлев построил...

— Цыть! — прикрикнул на него Фретила. — Что богам до твоего хлева!

— Да они не злые, — вмешался Книва. — Вот, гляньте, меньший бог все время улыбается...

— Ну и что с того? — возразил скрипучим голосом Ханала. — Гепиды вон когда в бой идут — смеются. А в сече — как вепри. Давай решай, Хундила. Негоже богов на берегу держать. Лучше, чтоб они гостями были. Не то разневаются: начнут молниями кидаться или еще чего. Всех погубят.

— Тебе-то, старый, чего бояться, — пробурчал себе под нос Фретила так, чтобы глуховатый Ханала не услышал. — Уже одной ногой в Хеле стоишь... — И добавил громче: — Закон гостеприимства свят. Коли боишься ты — я к себе их позову.

— Закон гостеприимства — для людей! — возразил Ханала.

— Точно! — поддакнул Хиларих. — По-твоему выходит, Фретила, я всяку болотну нечисть в дом принимать должен, коли в село придут?

— Нельзя нечисть в дом звать! — вмешался Вутерих. — Позовешь — потом не выгонишь!

— Иди штаны постирай! — бросил Вутериху Фретилов сын Сигисбарн. — Гоняльщик!

Вутерих сжал кулаки, но драться не рискнул. Только зыркнул на Сигисбарна исподлобья.

А Хундила все никак не мог решиться: хмурился, бровями шевелил, на чужих богов поглядывал.

— Надо их в богатырской избе поселить, — вдруг сказал Травстила-кузнец.

Все поглядели на него.

— А хорошо ли это? — возразил кузнецу Фретила. — Там сколько лет никто не жил.

— Ничего. Обустроим. А пока суд да дело, пусть Хундила их сначала у себя в доме примет, трапезу с ними разделит.

— А разве боги наше, земное, едят? — спросил простодушный Герменгельд.

— Вот и поглядим, что они едят, — со значением произнес кузнец.

Но его никто не понял. Да особо и не пытались. Всем известно: кузнец — он только отчасти человек, а отчасти... кузнец. Потому слова его обычным людям не внятны.

— Примет их Хундила, попотчует, беседой займет...

— Так они ж по-нашему — никак! — опять влез Герменгельд.

— Книва поможет, — терпеливо ответил Травстила. — Книва теперь — их. Ему с ними и говорить надобно.

— А с чего ты взял — про сына моего? — озаботился Фретила.

— А кто руку Герменгельда удержал? — напомнил Травстила. — Один Герменгельда остановил, другой свою руку на Книву наложил. Наложил он на тебя руку, Книва?

— Ага! — Книва просиял. — Точно, было такое!

— Вот видишь, Фретила. Значит, сын твой теперь к богам приближен.

Фретила с важностью кивнул. А про себя подумал: «Мудрый человек Травстила. С таким дружить надобно. Пошлю ему поросенка, ежели все обойдется».

Дело ведь такое: поросенка съешь — и нет его. А мудрые слова долго живут.

— Порадуешь богов беседой и трапезой, — продолжал Травстила. — А потом с честью в богатырскую избу проводишь. Самое место богам — в богатырской избе. Ну так что, старейшина, решай.

Боги с интересом слушали. Но видно было — не понимают ни слова.

— Хорошо, пусть так. — Видно было: поперек себя шел Хундила. — Пусть Книва их ко мне на подворье ведет. А остальные пускай богатырскую избу протопят. И принесите туда все, что положено.

— Скоро Овида придет, — сказал Травстила. — Он твой дом очистит, не бойся.

Хундила рассвирепел:

— Я не за себя боюсь! Я за вас всех боюсь!

И прочь пошел, не оглядываясь.

Боги любопытствовали. У Книвы что-то вызнать пытались. Боги говорили на шипящем языке.

«Боги ли?» — размышлял Травстила.

Богам вместилище не нужно. Боги и так странствуют, где и как пожелают.

Нет, не боги это. Может, герои какие... Залетные? Тот, что постарше, Травстиле понравился. Кабы еще безбород не был, так и вовсе на Травстилина брата был бы похож. Который в бурге живет. Что безбород — это плохо. Неправильно. Сразу чужого видать.

Когда обратно в село пошли, Книву с чужаками оставив, Сигисбарн брату украдкой свою рогатину отдал. Травстила видел, но промолчал. Вреда Книве от этой рогатины не будет. И толку от той рогатины тоже не будет, ежели Книва пришлецов всерьез рассердит. Но с рогатиной в Книве солидности больше, следовательно, и тем больше почета.

«Кто бы они ни были, а лишний раз почтить не помешает, — подумал кузнец. — Худа не будет».

Глава четырнадцатая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ.

КОНТАКТ, НЕ ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ПРОГРАММОЙ ПОСАДКИ (ОКОНЧАНИЕ)

Ситуация оставалась по-прежнему непонятной, но Алексей тем не менее почувствовал некоторое облегчение: убивать их не стали. Должно быть, не такие они злые ребята, эти местные староверы-викинги.

Но тут его взгляд наткнулся на нечто, свидетельствующее о том, что добродушие не всегда свойственно аборигенам.

Шагах в тридцати, прямо в болотной грязи, лежал мертвец.

Черепанов ухватил его за куртку, перевернул...

Коршунов слотнул. Зрелище было еще то.

Это был мальчишка. Не старше Книвы. И горло у мальчишки было перерезано от уха до уха.

Геннадий присел на корточки перед убитым.

Книва топтался рядом. Видно было: очень хочет услужить, но не знает чем.

— Нидада, — пояснил он, показывая на труп.

— Что делать будем, товарищ подполковник? — без энтузиазма поинтересовался Алексей.

— Нидада... — пробормотал Геннадий. — Ну да, конечно, кто не знает Нидаду... Да... — Он выпрямился. — За что же его так? — спросил он, сопроводив вопрос соответствующим жестом.

И из Книвы хлынул словесный поток. Дык!.. Чувства прямо переполняли пацана. Дык!..

Он прыгал, бегал, даже упал несколько раз. Очевидно, «описывал» деяния убитого, приведшие того к преждевременной кончине. Бурные были деяния. И явно криминального толка. Закончились же они... Сами видите — чем. Вот так оно все и вышло.

Тяжело дыша, Книва переводил тревожный взгляд с Геннадия на Алексея и обратно: ну как? Понятно изложил?

— Генка, ты хоть что-нибудь понял? — спросил Алексей.

— Не уверен. А ты?

— Я тоже ни фига.

— Каумантиир! — воззвал Книва к Геннадию.

Несмотря на жуткую абсурдность всего происходящего, Алексей не удержался, фыркнул.

— Каумантиир, — вновь сказал Книва и показал туда, где торчал из трясины СА: — Хвас?

— Хвас... — Геннадий окинул Книву оценивающим взглядом. — Хвас-квас. Это, брат, не квас и даже не пиво с водкой, а спускаемый аппарат нашего «Союза».

Книва растерялся:

— Сьюза? Нин. Зата ист нэй сьюза. Сьюза хири. — И он сделал жест, будто желая обнять весь мир. — Сьюза! — Потыкал себя в грудь: — Сьюза!

— Выходит, в Союзе мы, — подытожил командир. — Слышь, Алексей, может, мы все же в прошлое провалились? Эдак на полвека. «Союз нерушимый республик свободных...» А?

— Тогда точно посодют, — противным голосом изрек Коршунов. — «Добрые сталинские времена...» Только сдается мне, копы такого типа были сняты с вооружения несколько раньше.

— Уверен? А пики кавалерийские? А шашки?

— Уймись. Уж кавалерийскую пику я как-нибудь от пехотного копы отличу. А топор от шашки, думаю, даже и тебе отличить по силам. — Геннадий хмыкнул и отправился в камыши, оставив подчиненного наедине с голубоглазым «маньяком-убийцей».

— Аласейа? — Грязная рука Книвы благоговеино коснулась «пингвина». Аккурат там, где на двух языках было написано имя Коршунова. А также, покрупнее, «Росавиакосмос».

— Нравится? — усмехнулся Алексей.

— Бока, — сказал Книва.

Это он по поводу надписи.

— Бока, — согласился Алексей.

Появился Черепанов.

— Вижу, общий язык найден? — жизнерадостно поинтересовался он. — Ну что, Книва? Может, дранг нахт хауз?

— Хуз! — обрадовался Книва. — Йаа, хуз.

— Вот это дело! — одобрил Геннадий. — Ит энд дринк, йа?

— Йаа! — возликовал Книва. — Итан — манаги. Дринкан — манаги. Кимйис фора хузам. — Он показал знаками, что жратвы и питья в хузе — ешь не хочю.

— Ты, Книва, нормальный пацан! — Алексей хлопнул юнца по спине. — Пожрать и выпить. Йа-а! Пошли, Генка! Хоть похаваем перед смертью.

Командир подхватил спецкомплект, Алексей — НЗ, и они пошли.

Уже отойдя от болотца, Алексей оглянулся. Интересно, мертвых своих аборигены так и бросают? Ох, не к добру это...

Глава пятнадцатая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ. ПОСЕЛОК

Идти было чертовски тяжело. Три дня на орбите плюс прелести посадки давали о себе знать. В глазах плыло, ноги подкашивались. Алексея с Геннадием то из стороны в сторону шатало, то вбок вело.

«А ведь местные нас, поди, за пьяных принимают», — мелькнула у Алексея совсем уже неуместная мысль.

А за кого их вообще могут принять? Допустим, эти волосатые с пиками — не старoverы и не киношная массовка. Допустим, что они просто дикари, которые велосипеда в глаза не видели, не то что спускаемого аппарата корабля «Союз». Как дикари могут воспринять сошествие с неба двух незнакомых оборотов, если нет у них желтой прессы и разнообразной литературы про летающие тарелки? Зато у них наверняка имеются мифы. И имеются боги, которые обретаются на небесах. Логическая цепочка выстраивается. Пришли с неба? С неба. На небе кто живет? Боги. Значит, боги пришли.

Интересно, могут боги являться с небес на землю в дымину пьяными? В принципе, могут, наверное. На то они и боги, чтобы делать все, что заблагорассудится.

— Генка, — сказал Алексей, — а ведь они нас за богов приняли!

Командир усмехнулся, поправил на плече тючок с барахлом.

— Нет, ты сам подумай: кто, кроме богов, может с неба упасть?

— Дождь, — ответил Черепанов. — Дерьмо птичье. Ворона дохлая. Продолжить список?

— Я серьезно! — обиделся Алексей.

— И я серьезно. Ты понятия не имеешь, куда попал. Что это за мир? Кто эти люди? И люди ли они? А строишь логические цепочки — за них.

— Но я просто пытаюсь рассуждать! — возразил Коршунов.

— Это не рассуждения, а домыслы. Факты где, физик?

Коршунов заткнулся. Фактов и впрямь было недостаточно.

— Вот ты на пацана глянь, — сказал Черепанов.

Алексей глянул: их проводник Книва очень внимательно следил за дискуссией. Не понимал, естественно, ничего. Но пытался.

— Видишь? — заметил Черепанов. — Человек наблюдает. И по-малкивает.

Тут парень, сообразив, что речь идет о нем, разразился длинной тирадой.

Космонавты рассмеялись.

— Насчет богов — не знаю, — сказал подполковник. — Но кой-какой авторитет у нас имеется. Не знаю, в том ли причина, что мы сверху свалились, или дело в том, что у нас морды бритые. Хотя не думаю, что к ним каждый день гости с неба падают.

И это хорошо, Леха, что нас опасаются, но опасаются умеренно. Если бы сильно опасались, могли бы и прирезать со страху. Так что нам с тобой повезло. Если такое можно назвать везением. Потому что, парень, мы с тобой здесь чужие. А чужих здесь не любят. И есть у меня такое ощущение, что не свались мы у них на глазах с неба, а притопаи вот так, на своих двоих, то был бы у них с нами разговор короткий и лично для нас крайне неприятный.

Тут командир так нехорошо засмеялся, что даже сияющий гордостью и радостью Книва перестал улыбаться и покосился на подполковника с опаской.

— Почему ты так решил? — спросил Алексей.

— А ты сам подумай. Вот вошел ты к себе в квартиру, а там — два незнакомых охламона. Что ты сделаешь?

— Ну-у... — Коршунов задумался. — Спрошу, кто такие, зачем ко мне влезли?

— Вот именно. А они тебе в ответ: мол, мы славные ребята, в квартиру к тебе забрались с самыми лучшими намерениями, но совершенно случайно. Шли мимо — и вот, заглянули. Ты как, поверишь?

— Вряд ли, — ответил Алексей. Он начал понимать, к чему клонит Черепанов.

— Вот именно. Ты вполне логично решишь, что эти парни собрались тебя ограбить. Или еще похуже. И выходит, что они перед тобой кругом виноваты, а ты имеешь полное право по шеям им навешать и в милицию сдать.

— Ну допустим...

— Вот и мы с тобой в чужой дом вломились без спросу. А милиции тут, скорее всего, нет. Тут каждый сам себе милиция, и рогатина наготове. — Он кивнул на оружие, которое Книва нес на плече. — Но бывает случай, Леха, когда ты, обнаружив у себя дома чужих мужиков, ступаешь и станешь вести себя очень вежливо. Когда?

— Когда? — повторил Алексей и поглядел на Геннадия.

Тут сзади послышался топот. Алексей с командиром одновременно обернулись. Алексей споткнулся и выругался. К ним бежал ражий мужик. Бородища всклокочена, зенки вытарашены. Шагах в трех бегун резко свернул, чуть не завалился на крутом повороте, обогнул по дуге, шумно дыша. Книва что-то повелительно проорал ему в спину. Мужик попылился вперед еще резвее.

— Ну так? — напомнил Алексей. — Когда же я, увидав дома чужих мужиков, не захочу их пинками с лестницы спустить? Сомневаюсь я, однако...

— А ты не сомневайся, — успокоил командир. — Если гости твои удостоверения предъявят с государственными гербами и, скажем, бумаженцию, которая «ордер на обыск» называется. Тихий и шелковый станешь, никуда не денешься. Еще и вину за собой чувствовать будешь...

— Это почему же? — возразил гордый Коршунов.

— По определению. Когда приходят серьезные люди и спрашивают: «А нет ли за тобой, мил-друг, какой-нибудь провинности?» — то провинность ты, брат, сам найдешь.

— И какой вывод? — осведомился Алексей.

— А такой, что мы с тобой и есть такие вот незваные гости. Возможно, с документами и верительными грамотами от высшего начальства, — Геннадий показал на небо. — Хотя поклясться в этом не могу, поскольку понятия не имею, кто, по их установкам, на небе живет. Но даже если и живут там, по их мнению, правильные ребята и, следовательно, мы — полномочные представители, прибывшие с внеочередной проверкой, то это тоже не слишком хорошо. Потому что грамоты наши — липовые. Местные этого еще не знают, но мы с тобой знаем точно.

Впереди оказался поселок. Десятка полтора низких длинных изб. Крыши из соломы. Ничего особенного.

— Нет, я с тобой не согласен! — заявил Алексей. — Мы, с нашими знаниями... Мы тут все равно что боги. Они небось не то что тола и динамита, даже пороха не знают еще...

— Ага. — Командир хлопнул Коршунова по спине. — А ты, можно подумать, знаешь. Ну, космонавт-исследователь, из чего порох состоит? Ответишь?

— Легко! — бодро заявил Алексей. — Сера, селитра, уголь. Что ты ухмыляешься?

— Молодец! Ну, уголь ты, положим, узнать сможешь. А как насчет селитры? Как ее получают?

— А хрен ее знает, — честно ответил космонавт-исследователь. — Я в хозяйственном магазине покупал. Удобрение.

— Вот именно. Селитра — в хозяйственном, нитроглицерин для динамита — в аптеке, толуол и азотную кислоту для тола — в химреактивах...

— Зачем в химреактивах? — возразил Коршунов. — Толовую шашку я, если надо, у барыг на рынке запросто куплю!

— Молодец! — похвалил Черепанов. — Только у здешних барыг ты максимум лук со стрелами купишь. И то если местными деньгами разживешься. Не думаю, что тут примут твою кредитную карточку.

— Ладно, — буркнул Алексей. — Допустим, ты прав и мы — полные лохи. Что дальше?

— Пальцы гнуть, — жестко ответил Геннадий. — Держаться с достоинством.

За хутором виднелся холм, обнесенный по верху могучим бревенчатым частоколом.

— Видишь? — Черепанов показал на холм.

— Не слепой, — отозвался Алексей.

— Как думаешь, стали бы они развлечения ради этакую фортецию возводить?

Коршунов не ответил. Да и что было отвечать?

Они пошли мимо первой избы. В черном проеме входа мелькнуло лицо и тут же скрылось.

— Страх — тоже сила, — сказал Геннадий. — Да, рано или поздно от нас, богов или кого там, потребуют чудес или еще каких доказательств нашего могущества. И тогда мы их предьявим.

— И где же мы их возьмем?

— Найдем, — твердо ответил командир. — Сейчас главное — время выиграть. Чтоб хотя бы период реабилитации завершить нормально и на ногах твердо стоять. Будем надувать щеки и бутафорить, потому что альтернативы у нас нет. Идея ясна?

— Так точно! — молодцевато ответил Коршунов. — Разрешите исполнять?

И тут из ближайшего подворья, им наперерез, с самыми черными намерениями метнулась здоровенная кудлатая псина. И едва не разрушила весь героически-божественный имидж космонавтов, но Книва очень вовремя огрел псину древком копья. Надо полагать, таков был местный ритуал общения с животными, потому что пыл зверюги моментально иссяк. Она тут же повернулась и флегматично потрусила обратно.

Книва фыркнул и процедил нечто презрительное, показывая на двор, куда убралась собака.

Село было безлюдно и тихо. Лишь иногда откуда-нибудь доносилось мычание коровы или еще какой-нибудь природный звук.

Возле одного двора Книва разразился комментариями. Судя по всему, именно в этой избе Книва и был зачат, рожден, вскормлен-вспоен и возвращен. В словесном потоке ухо то и дело улавливало повторяющиеся слова: «Фретила» и «Атта».

«„Атта“ — это, вероятно, „отец“, — подумал Алексей. — „Атта, тато“, типа как по-украински. Значит, гид у нас — Книва Фретилович. Что это нам дает? Ничего не дает, если честно».

За плетнем исходил рычанием громадный пес. По кличке Хундс, как любезно поведал гид. По двору меланхолично бродили пятнистые тощие свиньи.

За избой имелось еще несколько строений. Из одного доносилось лошадиное ржание. Конюшня, стало быть. Алексея с командиром тут же услужливо обогатили информацией, что в конюшне лошадь имеется. Зовут лошадь Хлахни.

Алексей уже решил было, что Книва поведет их с командиром к себе, однако, видать, быт на хуторе был устроен посложнее. Путь лежал на другой, возвышенный, край села, где виднелись две избы, обнесенные общей изгородью.

Чтобы скоротать беседой путь, командир показал пальцем на другую избу. Оказывается, там обретался некий Оптила.

А на холме за частоколом жил Гарда. Он там жил постоянно. Фретила, Книва, Оптила и прочие тоже там жили. Но не постоянно, а время от времени.

Стало быть, не от нечего делать аборигены тын возвели. Ох, не к добру все это!

На подворье, куда Книва привел Алексея с командиром, имелось аж целых два пса. Стоило миновать ворота, как псы, захлебываясь от благородного рвения, бросились на пришельцев. Наперерез псам из избы выскочил давешний ражий мужик с палкой. Грубым рукоприкладством утихомирил псов.

Но Книва почему-то на мужика разгневался, принялся орать и размахивать рогатиной. Мужик трусил, а Книва все больше заводился и вовсе уже на бородатого мужика с рогатиной пошел, но опомнился. Лишь кулаком погрозил. Потом к командиру с Алексеем повернулся и вроде как повинился: достал меня этот хмырь бородатый! Он, блин, всех в селе достал. Он и вас достанет, попомните мои слова.

Бородатого мужика звали Скалксом. Рейтинг в селе у него, кажется, и вправду был не ахти. Однако, похоже, власть имел, раз именно к нему в дом их повели.

Не иначе как кулак здешний. Достаточно на хозяйство его посмотреть. Крепкое хозяйство.

— Да ладно, — Алексей попытался больше знаками, чем словами, успокоить Книву. — Ведь ничего не случилось. Не тронули нас псы, не успели.

Ничего себе, «не тронули»! А если бы тронули? Он, Книва, так думает: Скалкса все-таки грохнуть необходимо. Достал он всех, гад!

Бородатый в нерешительности топтался поодаль.

Геннадий ухмылялся, а Алексей вдруг почувствовал себя неудобно, знаками показал бородатому: мол, извини, хозяин, что такую проблему тебе создали...

Понял ли бородатый — неизвестно. Но Книва точно понял.

И буквально вскипел. Это Скалкс-то здесь хозяин? Ну и шутники вы, парни. Хундила здесь хозяин, Хун-ди-ла! А Скалкс тут никто!..

Алексей смотрел на психующего Книву и вдруг понял: не убьет Книва Скалкса. И беснование Книвы — всего лишь ритуал. Вроде как с тем псом. Шестерка здесь Книва, не более. Достаточно на морду его битую посмотреть. А пальцы топырит оттого, что так полагается. Потому и Скалкс к этому спокойно относится, у которого в здешней жизни — тоже свое конкретное место. А вот у них с Генкой своего места нет. Им еще предстоит себя поставить...

Коршунов посмотрел на командира. Геннадий чуть заметно подмигнул и повел глазами на Книву.

Ладно, ладно, ритуал так ритуал. Сыграют и они свою роль. Роль божества, блин, слюни пузырем, пальцы веером.

И, вытаращив глаза, Алексей заорал на Книву:

— А-тставить! Сми-ирна-а!

Эффект был стопроцентный. Книва разве что честь не отдал. Тут же заткнулся. А Скалкса как ветром сдуло.

Вошли в дом.

В доме было темно. Свет проникал лишь через дверь. А еще в доме было дымно, отчего сразу защипало в глазах. Дым шел от очага и уходил через щель в соломенной крыше, плохо различимой в сизом тумане. Дверей не было. Вход занавешивался кожами, сейчас откиннутыми, поскольку тепло. Каково в этом сарае жить зимой, даже представлять не хотелось.

Алексей сделал еще два шага, давая пройти командиру, и остановился. Пусть глаза к полумраку привыкнут.

— А, ч-черт! — выругался сзади Черепанов. — Понавешали дряни всякой...

Мимо ужом проскользнул Книва. И с ходу твякнул на кого-то. В глубине избы жалась к стене оцепеневшая от ужаса толстая тетка. Алексей сослепу ее и не заметил. Книвин окрик вывел тетку из ступора. Подскочила и кинулась вон.

М-да, обстановка в хижине спартанская. Чтоб не сказать больше... У очага три бревна в земляной пол вкопаны. Нет, не совсем бревна. На каждом — грубо вырезанные лица. Идолы, стало быть. И расставлены они так, чтобы в огонь смотрели и живущим тут не мешали.

Стол, срубленный на века. Возле стен широкие тяжелые доски. Лавки. У стола тоже пазы специальные сделаны, для досок. А снимают их, должно быть, чтобы места побольше было. Сборно-разборный комплект мебели, так сказать.

Дом оказался по-корабельному поделен на отсеки. В первом «отсеке» едят и спят, это понятно. А дальше...

Из темноты второго «отсека», едва не скуля от ужаса, мотнулась еще одна личность. Врезалась в Алексея, шарахнулась, взвизгнула — и пулей вылетела из дома. Только светлая коса мелькнула. «Алафрида», — пренебрежительно сообщил Книва.

В глубине второго «отсека» обнаружился еще один персонаж «исторической драмы»: ветхая старушка по имени Стилихо.

Высокие стороны были представлены друг другу:

«Уважаемые боги — мадам Стилихо! Бабушка, вот боги! Прошу любить и жаловать».

Судя по всему, бабушке Стилихо было все равно, кто там перед ней. О своем размышляла, покачиваясь и в пространство задумчиво глядя.

Глава шестнадцатая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ.

ПЕРЕГОВОРЫ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

Они сидели в неведомом «где» и в неведомом «когда», в темной и дымной избе и потягивали пиво. Пиво было жидким и кислым.

Напротив восседал краснорожий представительный Хундила, местный старейшина. Рядом с Хундилой — сухонький старец

именем Ханала. Сбоку примостился салабон Книва. В глубине дома бубнила бабушка Стилихо. Где-то поблизости обретались и другие обитатели поселка. Их присутствие чувствовалось, но не проявлялось. К разговору на высшем уровне они допущены не были.

А разговор не клеился. После формальных представлений говорить стало решительно не о чем. Языковой барьер, мать его. Опознать местное наречие Алексей с Геннадием не сумели. Диалект «викингов-староверов» включал в себя знакомые слова из разных европейских языков, но звуковое сходство еще ни о чем не говорило. Достаточно вспомнить английское «три» и некий русский глагол в повелительном наклонении, чтобы в этом убедиться. Так же мало говорили и имена: «Книва», «Хундила» — в этом было даже что-то славянское. «Алафрида» смахивало на немецкое. Типа «Зигфрид-Годфрид». А Стилихо вообще чем-то грузинским отдавало.

Алексей, лоббируя свою гипотезу о «провале в прошлое», высказал предположение, что аборигены общаются на некоем древнем протоязыке. Фактам предположение не противоречило, но с практической точки зрения было абсолютно бесполезно.

Коршунов раз за разом пытался пробить пресловутый «барьер». Его мучил кашель: избу топили по-черному, и от дыма першило в горле.

«Почему же эти чертовы аборигены по-славянски не говорят?» — злился Алексей. В конце концов, находятся они не где-нибудь, а на территории уже десять веков как безусловно славянской, и по тому, что помнил Алексей из курса истории, — исконно славянской и допрежь того. Не считая всяких там пришлых варягов.

Строго взирая на местных патриархов, Коршунов отдельно произнес:

— Мы, — указав на себя и Черепанова. — Россия. Русь. Рюрик, Олег, Ольга, Святослав, Владимир Святой...

— Валамир? — Местный председатель, хозяин избы, неожиданно заинтересовался. Повернулся к ветхому Ханале, спросил что-то. Тот ответил утвердительно. Тогда Хундила заговорил с Книвой. В речи несколько раз проскользнуло слово «Валамир». Потом оба уставились на старца.

Дедок помолчал важно. Столешницу поковырял. Пива отхлебнул. Посмотрел на Алексея со значением. На командира посмотрел. Показал ему кулак. Затем принялся медленно отгибать пальцы, сопровождая каждый палец репликой «Валамир», причем с разной интонацией. Книва тут же засуетился. Помогая себе жестами, попытался откомментировать: да, Валамира мы знаем. И не одного. Четырех Валамиров знаем. А какой из них вам нужен?

Алексей беспомощно поглядел на командира.

— Высокие стороны зашли в тупик, — констатировал Черепанов. — Ладно, зайдем с другой стороны.

Он плеснул на стол пива, обмакнул палец. Минутой позже на столе появился точный план поселка с указанием избы, где они находились, и всех основных ориентиров, включая реку и болото.

Коршунов восхитился: вот что значит военная косточка!

Но абorigены не въехали. Тогда Геннадий упростил задачу. Нарисовал план избы, стол, участников застолья, указал каждого поименно, вслух. Затем ткнул пальцем в избу на общем плане. Доперло. Поняли, посоветовались, потом Книва тоже палец в пиве омочил, стол нарисовал и тоже пять точек поставил, пояснил: это, значит, мы тут сидим, пиво пьем. Ветхий Ханала даже способность к обобщениям выказал — изобразил нечто у края болота, знаками пояснил: это, мол, ваш спускаемый аппарат.

Дело пошло. Но до полного взаимопонимания было еще далеко. И это выяснилось, когда пришло время конкретных вопросов.

— А там — что? — Геннадий потыкал пальцем в направлении, где должен был находиться ближайший радиисточник.

Там-то? Блин, парни, хреново там до невозможности, на пальцах пояснил «толмач» Книва. Ибба вот тут, а там Квеман, а вон там... там еще хреновее.

Тут Книва о чем-то осведомился у старейшины Хундилы. Хундила пожевал губами, а потом вдруг рассвирипел и наговорил Книве грубостей. Книва увял было, но тотчас вновь обрел бодрость духа и пивом начертал на столешнице грубое подобие дома. Не того, в котором они сидели, другого. И с торжествующим видом воззрился на Алексея с Геннадием. Потом заговорил, то и дело оглядываясь на хозяина.

Речь, насколько можно было понять, сводилась вот к чему. Все у нас в селе классно, все имеется, а вот богов, ребята, таких бравых божественных парней, как вы, нет. Хотите, дом вам в нашем кол-

лективном фермерском хозяйстве выделим, оттягиваться будем в полный рост. Хундила-председатель вон тоже не возражает.

Краснорожий Хундила и вправду не возражал. Осклабился и вправду, парни, погостите у нас, а там, если понравится, и вовсе оставайтесь. Рабочих рук мало, так что милости просим...

Ветхий старец что-то прошамкал. Книва тут же бойко перетолмачил. Видел, мол, как они по воздуху летели. А откуда, если не секрет?

Командир с Алексеем переглянулись. Судя по поведению Книвы, старичок тут ходит в авторитетах.

Алексей жестами изобразил ответ: ой, издалека, дедушка! Так издалека, что ни пешком, ни на пароходе не добраться. Потому и воспользовались воздушным транспортом, иначе никак.

Ханалу ответ почему-то не удовлетворил. Он дал это понять всем своим видом. Ладно, его проблемы. Командир попытался перевести нить беседы на актуальную тему. Вот река, вот спускаемый аппарат. Вот, стало быть, мы впятером пиво пьем. Там Ибба с Квеманом бесчинствуют, это мы усекли. А вот с той стороны что?

«Толмач» Книва опять взялся за рисование.

Оказалось, что «с той стороны», на севере то есть, ничего хорошего нет. И на юге, в общем-то, тоже. А вот на востоке, наоборот, замечательно. Там Одохар и Стайна. И другие. Тоже пиво пьют. За ними Книва еще группу точек поставил. И знаками дал понять, что там тоже пьют. А также с Одохаром и со Стайной дерутся. В том, что дерутся, ничего страшного нет. Наоборот. Нет лучше развлечения для мужчины, чем кому-нибудь кишки выпустить. Изображая процесс выпускания кишок, Книва необычайно воодушевился. Геннадий с Алексеем переглянулись: оба вспомнили отрезанные головы и безвременно загубленного Нидаду. Пожалуй, местные развлечения вряд ли придутся им по вкусу.

Хундила за пояснениями Книвы внимательно следил. Порывивал время от времени: поправлял.

И вновь старый сморчок Ханала проявил дотошность и въедливость характера.

А все-таки скажите-ка, добры молодцы, откуда взлетели вы, прежде чем в пенатах здешних приземлиться? Поведайте, кто вы и откуда?

Алексей покусал губу. Вот ведь пенек старый. Ну как ему объяснить прикажете, что родом мы во-он оттуда, а стартовали во-он

там, с территории суверенного Казахстана. Который раньше входил в состав... а после вышел...

Тем не менее вопрос требовал ответа.

Вон Ханала глазами так и сверлит. Даже голова у него перестала трястись. И Хундила-старшой ответа ждет, супит кустистые брови.

Воцарилась напряженная тишина. Стало слышно, как во дворе негромко переговариваются. Там, поди, все село собралось. Ждут, чем переговоры закончатся.

Поскольку гости молчали, заговорил Хундила. Опять поставил вопрос ребром. Давайте-ка, почтенные, колитесь, кто вы такие есть! Вот я, Хундила, здешний. И Ханала здешний. Аксакалы мы тутошние. И Книва здешний. А вы — нет. Ну-ка докладывайте по всей форме, какого рода-племени.

«Влипли», — подумал Коршунов. Глянул на Геннадия. Командир пожал плечами.

— Имя, фамилия, звание, личный номер... — пробормотал он.

Коршунов не понял.

— Это я так, о своем, — сказал Черепанов. — Ты думай, парень, думай!

Эх, была не была.

Алексей глубоко вздохнул, со значением оглядел всех. Пальцем по пивным разводам на столе постучал. Вот, значит, мы тут, все впятером. Это если масштаба придерживаться. Вот река. Там Ибба с Квеманом. А во-он там... Алексей встал с лавки. (Опять повело. Как некстати, блин.) Так вот, уважаемые, стартовали мы оттуда.

Коршунов прошел в самый конец дома. Рядом в полумраке бормотала бабушка Стилихо.

— Книва! — требовательно рявкнул он.

Книва вскочил, подбежал.

— Гляди, Книва. И переводи.

И Алексей выдал пантомиму. Показал, как взлетели. Вот отсюда взлетели. С ревом, в облаках пыли и пламени. И вся земля окрест содрогалась, когда мы взлетали. Ибо безмерно могущественны мы, Книва. А место, откуда взлетали мы, называется Байконур. БАЙ-КО-НУР, усек?

Книва часто закивал. Понятно, мол, Байконур. В огне и грохоте.

И вот, значит, мы летим, продолжал Алексей. К вашим местам, значит, приближаемся. Коршунов, изображая полет, медленно приблизился к столу.

На миг встретился глазами с Геннадием. Вот ведь гад! Весело ему! Ну так получай!..

...Тогда Каумантиир и говорит: а не сесть ли нам тут, Алексей. Отчего же, отвечаю, не сесть. Давай сядем... Ну и сели.

Алексей оглядел всех грозно. Именно так все и было. Может, кто сомневается? Или еще какие неуместные вопросы?

...А родились мы, господа землевладельцы, не там. Не в Байконуре. Во-он там мы родились. Если масштаб карты соблюдать, то вон там примерно, где очаг у вас. Я подальше, туда вот к стене, родился, а Каумантиир — он и вообще на улице. Алексей ласково улыбнулся Геннадию. Не вместить вашему дому необъятных просторов нашей страны... Нет, Книва, ты неправильно понял. Не из огня мы вышли, хотя определенное отношение к укрощению огненной стихии имеем... У-фф!

Закончив спектакль, Алексей плюхнулся на лавку. Пива отхлебнул.

— Тебе бы в «Аншлаге» выступать, — пробормотал командир. — Успех бы имел.

— Мог бы и сам... — обиделся Коршунов.

Между Книвой и Хундилой завязалась оживленная дискуссия. Хундила на чем-то настаивал, Книва возражал. То и дело упоминался Байконур. Наконец аборигены пришли к какому-то решению. Хундила что-то Ханале сказал. Не убедил. Настаивать не стал. Подчеркнуто любезно обратился к гостям, через «переводчика». Предложил вернуться к предыдущей теме. Так что за дело у вас к Валамиру? И к какому именно Валамиру?

Ответить Алексей с Геннадием не успели. Снаружи раздались громкие голоса. Мужик давешний, которого Книва убить пытался, всунулся внутрь и тут же сгинул. А следом еще двое ввалились.

Книва подал голос. Представил новоприбывших. Оказалось — Фретила с Сигисбарном пожаловали. Фретила, точно, папаша Книвин. А Сигисбарн — брательник. Старший.

Отношения в семейке, видать, были еще те. Книва папаши явно побаивался. Но держался с ним нахально.

Папаша Фретила тоже взирал на отпрыска как-то... отстраненно. И вместе с тем — с гордостью. Что до братца Книвина, до Сигисбарна, то стоял тот столбом, демонстрируя физиономией ум здоровый и девственно чистый. Которому все по барабану.

Хундила Книве коротко что-то приказал. Книва вскочил, наружу выбежал. Хундила тем временем кивнул Фретиле, чтобы тот садился. Тот присел. С достоинством. Сбоку от Ханалы. Сигисбарн без всякого приглашения плюхнулся рядом с Алексеем. Ну точно борзой парень.

Хундила, ни на кого не глядя, заговорил. Фретила слушал. Ханала кивал. Коршунов с Черепановым не понимали ничего. Чувствовали только — о чем-то важном говорится. О них. И о Книве. Слово «Байконур» неоднократно звучало. Сигисбарн в процессе беседы тишком отодвинулся подальше от Алексея.

Вернулся Книва. Быстро оглядел всех. На папаше с тревогой взгляд задержал. Хундила пацану головой мотнул: садись, мол, не мельтеши.

Еще один персонаж у входа возник. Девка белобрысая. Хундила что-то молвил ей ласково. Девка на подгибающихся от ужаса ногах к очагу пробралась. Пошуровала там, уронила что-то. Потом с кувшином приблизилась к столу. И трясущимися руками начала из кувшина пиво по кружкам разливать.

Алексей оглядел ее с любопытством. Как местную представительницу прекрасного пола. Не воодушевила. А Черепанову, напротив, понравилась. Ему всегда такие нравились: блондинистые, худощавые, немножко нескладные.

Выполнив сию задачу, девка поскорее убралась прочь.

— Алафрида. Миино дохтар, — со значением сказал Хундила. Потом бороду разгладил, кашлянул. И осведомился: так все-таки какое у вас дело к Валамиру имеется...

Глава семнадцатая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ. О НАИБОЛЕЕ БЕЗОПАСНЫХ СПОСОБАХ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

— Слышь, командир, меня тут кусает кто-то. — Алексей почесал шею.

— Меня тоже, — отозвался Геннадий. — Здесь, поди, блох полным-полно. Полы-то земляные.

— Так изба-то вроде нежилая.

— Значит, в шкурах принесли.

Устроили их, можно сказать, в номере люкс. По здешним меркам. Отдельная изба, питание, удобства (правда, в виде ямы у забора), постель из натурального меха...

В избе было темно. В углу, в очаге, тускло и загадочно рдели угли... Люкс с камином. В котором невыносимо душно и дымно. Вдобавок «меха» воняют, лицо и руки искусаны, а тело, измученное посадкой, адаптацией и «пингвином», нещадно ноет.

И сон не идет, несмотря на страшную усталость. И мысли... Говно мысли.

— Слышь, Ген, как ты думаешь, мы тут навсегда? — спросил Алексей.

Услышал, как командир заворочался под шкурами на соседней лавке, почесался.

— Я пока ничего не думаю, — ответил он. — Я пока, Леха, информацию накапливаю. И анализирую.

— И что выходит?

Черепанов шумно вздохнул.

— Анекдот есть такой, — сказал он. — Армейский. Приезжает генерал в часть, в столовую заходит, а там обед. Личный состав «шрапнель» кушает. С селедкой. «Ну как, товарищи бойцы, на питание жалобы есть?» — интересуется генерал. Все молчат. «Нет-ту жалоб, — констатирует генерал. — Выходит, хорошо у вас питание, товарищи бойцы? Ну вот ты скажи?» — показывает на ближайшего солдата. Тот подсказывает: «Так точно, товарищ генерал! Питание выходит хорошо! Входит плохо!»

Алексей хрюкнул.

— Актуально, — согласился он. С местного пива их уже легонько пронесло. Пришлось даже к помощи аптечки прибегнуть. — И все-таки как ты оцениваешь ситуацию?

— Оцениваю ее так, что надо нам шмотьем обзавестись, — уклонился от темы командир. — Сдохнем мы в «пингвинах».

— Понял. Намекну завтра этому Книве, что гостям цивильная одежда нужна. Мол, на земле по-земному желаем одеваться. Они дадут.

— Нет, — возразил Черепанов. — Хватит халявы. У диких народов положено: за подарки — отдариваться. Иначе уважения не будет. Так что будем ченч делать: они нам — полный комплект обмундирования, а мы им — наше серебряное великолепие. Как думаешь, покроют наши «пингвинчики» стоимость гардероба?

— Даже с лихвой, — заверил Алексей. — Зуб даю: они их даже носить не станут — повесят в углу и молиться будут. Как своим идолам. Только вот...

— Что?

— Отчитываться за «пингины» как будем? — Алексей повернулся и посмотрел туда, где скрытый мраком командир откровенно подбивал на расхищение казенной собственности.

Ответом было молчание, которое Коршунов истолковал вполне определенно:

— Значит, все-таки думаешь, мы тут навечно?

— А хрен его знает, — буркнул командир. — Нет, ты, Леха, хвост в грязь не роняй. Подполковник Черепанов сдаваться покамест не собирается. Для подполковника Черепанова не бывает безвыходных ситуаций, напарник. Бывают ситуации, требующие нестандартных решений, понял?

Коршунов промолчал.

— «Пингины» — чешуя, — уверенно произнес командир. — Спишем. У нас, брат, в СА два скафандра остались. Вот это — да.

— Ну ты ж люк запер, — сказал Коршунов. — Хотя там запор, конечно... Три раза повернуть и дернуть.

— Ничего. Для местных сгодится. Это ж еще сообразить надо, что повернуть требуется. Что-то я у них винтов-гаек не видел. Но вот за скафандры нам точно нагорит, если вернемся.

— Слушай, командир, а ты сам-то веришь в это «если»? — спросил Алексей.

— Ты будешь смеяться, Леха, но верю.

— Из-за радиосигналов?

— Да.

С полминуты Черепанов яростно чесался и матерился сквозь зубы. Алексей полностью разделял его чувства.

— Наверное, ты прав, — заметил он. — Насчет источников. Сколько отсюда до ближайшего?

— Километров четырехста.

— Неслабо.

— Ближе было не сесть. С нашей дебильной орбиты. А, зараза! Всего искусили.

— А если не искусственные радиоисточники? Если это природное явление какое-нибудь?

— Не думаю. Ты про подобные явления слышал когда-нибудь?

— А ты, командир, слышал когда-нибудь, чтобы космические корабли в прошлое перемещались? Чтобы вместо стыковки — медвежий угол с головорезами и блохами?

Черепанов промолчал. А что тут скажешь?

— Эх, нам бы в статусе богов подольше продержаться! — вздохнул Алексей.

— Продержимся, — буркнул Геннадий. — Мы только в роли богов и продержимся. Не знаем ведь ни хрена. Ни языка, ни обычаев. Побудем богами, а там, глядишь, что-нибудь да и нарисуеться.

— Слушаю я тебя, Генка, и дивлюсь. Ты же авантюрист чистой воды. Как тебе в свое время «сушку» доверяли? — Коршунов захихикал.

— Тебя не спросили. Ты, кстати, обратил внимание, что у этого Хундилы в доме на столбах развешано?

— Щиты, что ли?

— Они самые. Щиты. Копья. Книва сопляк, а вон с копьём не растаеться. И наверняка умеет с ним управляться. А ты?

Управляться с копьём Алексей не умел. Но был уверен, что может научиться. Если успеет.

— Усекай, Леха, вот как я все это вижу. Мы из себя изображаем богов. Сидим в этой роли, сколько получится. Одновременно знакомимся со здешним бытом. Осваиваем местное оборудование: как кашу варить, лепешки печь. Язык изучаем. С местным оружием навыки нарабатываем. В систему встраиваемся, одним словом. Вот таким макаром.

Алексей полежал некоторое время, обмозговывая слова командира. Звучит, как бред. Это ж надо... Им, КОСМОНАВТАМ, учиться на огне лепешки печь? Полная шиза. А с другой стороны, черт его знает. Генка — мужик парадоксальный. Во время подготовки им самые разные ситуации подсовывали. Так ведь ни разу не облажался подполковник.

— Командир, ты погоди спать, — позвал Алексей. — А чудеса как же?

— Какие чудеса?

— Что мы за боги, если чудеса творить не будем?

— А в этом-то, Алексей, вся хитрость. — Алексей услышал смешок. — Чудеса мы творить не будем.

— Как это не будем? Нас же мигом расколуют!

— Не бойсь! Если это все не грандиозная подстава, мы действительно в прошлом, а аборигены и вправду такие дикие, то наше

появление здесь само по себе чудо. А чудес много не бывает, так что наш спуск выработал нормальный лимит чудес на год вперед. И просить о других чудесах они не решатся.

— А вдруг решатся?

— Значит, откажем. Сделаем вид, будто не врубаемся, чего от нас хотят. Или дадим понять, что от чуда могут быть большие неприятности. Я к этим ребятам присмотрелся и могу тебе твердо сказать: не те это парни, что любопытства ради на риск пойдут.

— Это Книва-то не пойдет? — засмеялся Коршунов. — Да он...

— Книва-то, может, и пойдет, — перебил Геннадий. — Да кто его пустит. Я не о молодежи говорю, а о тех, что тут шишку держат: о мундилах местных — Ханале с Хундилой. И есть у меня серьезное подозрение, что Книва уже свой авантюризм проявил. На пару с корешем, который в болоте с перерезанным горлом остался.

— Почему так думаешь? — насторожился Алексей.

— Потому что одежда на покойнике — точно такая же, как на живых. Следовательно, он — из здешних. А старшина в этой роте — мужик серьезный и за просто так глотки резать не станет. Конечно, я обычаев здешних еще не знаю, но могу предположить, что в такой небольшой общине каждый взрослый или почти взрослый мужик — слишком большая ценность, чтобы их так просто списывать. Землю сохой пахать, знаешь ли, крепкие руки нужны. И чем больше, тем лучше. Опять-таки, если враги нападут. Значит, причина была, и причина серьезная, поскольку и нашего Книву тоже определенно в расход пустить пытались. Но тут уже мы вмешались — не дали.

— А может... — Алексей запнулся. — Слышь, Генка, а может, это из-за нас?

— Что — из-за нас?

— Парня того зарезали. Ну, мы же боги, а дикари богам всегда жертвы приносили... Ну вот и эти...

— Что, совесть мучает? — насмешливо спросил Черепанов. — Ладно, не напрягайся. Во-первых, это нормальные крестьяне, фермеры. Такие если и приносят богам жертвы, то не из числа собственных перспективных молодых людей, а из второсортного материала: рабов, чужаков вроде нас. Во-вторых, если даже они и решили своих зарезать, то уж точно не с кондачка. Тут люди неторопливые, обстоятельные. А фактически как все было? Мы и выйти из аппарата не успели, а они уже одного порешили. Нет, брат, причина точно не в нас. А вот повод — возможно. Так что

расслабься, Леха. Стоит только намекнуть, что от наших чудес село пострадать может, и местный сельсовет тут же на чудеса свое вето наложит. Логично?

— Вроде бы. Слышь, Генка, а ты про подставу серьезно?

— Какую подставу?

— Ну... Тихо!

— Что? — понизив голос, спросил Черепанов.

— Ходит кто-то снаружи.

— Может, и ходит, — согласился командир. — Что ж ты им — по своей деревне ходить запретишь?

— Да нет, вокруг дома кто-то бродит. Как бы не зарезали нас ночью... Эй, ты куда?

Но подполковник уже был снаружи. Алексей с секундным опозданием последовал за ним.

Снаружи не было ни души. Под низким темным небом спал неведомый мир. Черными тушами маячили во мраке приземистые хижины. В той стороне, где нашел в болоте свой конец спускаемый аппарат, кричала выпь.

Алексей с удовольствием вдохнул сладкий чистый воздух.

— Вон, — прошептал командир, — там. Видишь?

— Где?

— Да вон там. Видишь пятно темное? Залег, зараза! Сейчас мы его пуганем.

— Да это куст.

— За кустом.

Алексей всматривался в темноту. И впрямь что-то там...

— Сейчас... — В шепоте командира послышался азарт.

— Слышь, Генка, может, не стоит...

Но командир, бесшумно ступая, уже направился туда, где и вправду за кустом что-то темнело... И, не дойдя пяток шагов, вдруг издал оглушительный вопль. Темное «пятно» подскочило, обернувшись нормальным двуногим прямоходящим, и рвануло по направлению к селу. Геннадий хмыкнул и пошел назад.

— Вот так-то, — сказал он назидательно. — А ты «ходит, ходит». Пойдем-ка спать. Этот сегодня точно больше ходить не будет.

Они вновь вернулись в избу. Залегли на шкуры — на радость мириадам блох.

— Ты про подставу говорил, — напомнил Коршунов. — Что, может, не в древности мы, а подстава это. Ты это серьезно?

- Не то чтобы серьезно. Хотя...
- Хотя что? — насторожился Алексей.
- Нереально все как-то. Будто специально смоделировано...

Ты к их языку прислушивался?

— Ага. Станный он какой-то. То на немецкий похож, то на русский, то на литовский. А сидим мы, я полагаю, километров на четыреста восточнее, чем я намечал, то есть где-то в Приднепровье. Жаль, мы с тобой в истории не очень. С другой стороны, местные как-то подозрительно на викингов смахивают. Не на голливудских, конечно, а на тех, о которых в учебниках пишут. И при этом — на наших каких-нибудь сибиряков-хуторян. Это я тебе точно говорю: сам из Красноярской области.

— Но есть один факт, — продолжал Геннадий после паузы, — который полностью исключает возможность того, что для нас с тобой устроили грандиозное представление на историческую тему.

- Какой же?
- Я тут уровень радиации замерил...
- И что? — насторожился Алексей. — Фонит?

— Наоборот. Существенно ниже нормы. И это в квадрате, где полвека интенсивно загрязняли окружающую среду. Не говоря уже о Чернобыле. Вот так вот, Леха. Можно нацепить на современного мужика старинные шмотки, соорудить избы и щиты по столбам развесить. Но радиационный фон подделать — это задача нереальная. Хотя есть, конечно, еще один вариант...

— Какой?

— Такой, что лежим мы с тобой, Леха, в ложементгах «Союза» и грезим на пару. И лепит наше подсознание, понимаешь, некую псевдорéalность. — Геннадий негромко засмеялся.

— Ты что, серьезно думаешь, что все это — глюк? — очень осторожно поинтересовался Коршунов.

— Все может быть... — уклончиво ответил Геннадий. — Космос — это не по Арбату прогуляться. Но имей в виду, Леха, — тон командира стал жестким, — этот вариант в расчет мы брать не будем. Как бесперспективный. Уяснил? Это приказ.

— Так точно, — отозвался космонавт-исследователь. — А я уж подумал, не потекла ли у тебя «крыша», командир. Или у меня.

— Едет крыша не спеша, тихо джипами шурша... — немелодично пропел Черепанов.

В животе у него вдруг так же немелодично забурчало. Жидкая бурда, которую местные ошибочно полагали пивом, бродила внутри и намекала, что ей пора наружу.

— Нам бы сейчас джип, командир, — мечтательно проговорил Алексей. — И горючего литров сто. И рванули бы мы прямо к источнику радиосигнала... Кстати, а почему бы нам на своих двоих туда не рвануть? Прямо сейчас? Зря, что ли, нас выживанию учили?

— Ответ отрицательный, — сказал Геннадий. — Обстановка не благоприятствует. Выживанию нас да, учили. Но в другой ситуации. Один раз нам повезло — с неба грохнулись и в боги попали. Но, сам понимаешь, боги из нас — так себе. А чужих, если они, конечно, не боги, тут не любят. Им, если ты успел заметить, головы отрезают и другое нехорошее делают. Поэтому если мы сейчас рванем, как ты предложил, в увлекательное путешествие, то закончим, скорее всего, со стрелой в спине или копьём в брюхе.

— А что делать? Так и сидеть всю жизнь на этом диком хуторе и блох кормить? — с досадой воскликнул Коршунов.

— Не нервничай, Леха. Знаешь, как древние римляне говорили? *Festina lente*. «Спешит не торопясь»¹. Я, конечно, истории не знаю, но могу тебе точно сказать, что был и в древности один сравнительно безопасный способ путешествия.

— Это какой же?

— Верхом на боевом коне. Во главе собственной армии.

Коршунов присвистнул:

— Ну ты загнул, Генка! Ты хоть на лошади ездить умеешь?

— Нет. Но научусь.

— А местные с детства в этом живут. Ты меня извини, подполковник, но на хрена им нужен такой командир?

— Да, — спокойно отозвался Геннадий. — Кое в чем ты прав. И на лошади я действительно ездить не умею. Но я не думаю, что научиться орудовать копьём и управлять конем сложнее, чем истребителем-перехватчиком. У нас с тобой, Леха, есть существенное преимущество перед аборигенами. И оно не в том, что мы знаем про порох с динамитом, а в том, что мы мыслим по-другому. В том, что мы умеем учиться. И здоровье у нас не хуже, чем у них, и реакция. Иначе не взяли бы нас с тобой в космонавты. Так что

¹ Афоризм, приписываемый Октавиану Августу.

поставленную задачу — выйти в местные полководцы — я, подполковник Черепанов, считаю реально решаемой. А вот средства и способы ее достижения нам с тобой следует продумать. После тщательного изучения обстановки, для чего требуется здоровое тело и здоровый дух. Потому слушай приказ, космонавт-исследователь Коршунов: забыть о блохах и сомнениях и использовать темное время суток для полноценного отдыха, то бишь — сна. Задача ясна?

— Вполне, — буркнул Алексей.

Выполнить приказ оказалось не так-то просто, тем не менее на душе у Коршунова полегчало. Все-таки молодец Генка! С ним не пропадешь!

Глава восемнадцатая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ.

ПЕРВОЕ УТРО В НОВОМ МИРЕ

...Поисковая группа все-таки добралась до района посадки. Сперва Алексей увидел, как из-за дальнего леса возникла «вертушка». Прошла над селом (на приличной высоте, судя по звуку) и снова удалилась в сторону леса. Ненадолго. Прошло совсем немного времени, и все ночное небо затряслось от рева. Проектора чиркали по земле, выхватывая серые соломенные крыши. Горели габаритные огни. «Вертушки» садились повсюду, даже за рекой.

В небе повисли осветительные ракеты. Все пространство села заполнилось военными. Из-за дальнего леса, где, согласно полученной от местных оперативной информации, скрывались Ибба с Квеманом, доносились глухие раскаты. Похоже, Иббе с Квеманом приходилось кисло. Почему-то Алексей точно знал, что из-за Иббы с Квеманом все и случилось. Известные террористы, они их с командиром и похитили. Вместе с кораблем. Свели, падлы, с орбиты. Вынудили совершить незапланированную посадку в незапланированном квадрате. Только просчитались. Болота не учли.

Внезапно появились еще люди. В бронеках, с автоматами. Много людей. Окружили. Алексея с Геннадием хлопали по плечам, тормозили, кричали что-то в лицо. Растворив всех, появился генерал, огромный, как медведь. Облапил Коршунова, затряс будто куклу...

Алексей открыл глаза. Это командир тряс его за плечо.

— Вставай давай. Хорош дрыхнуть. День уже на дворе.

Кряхтя, Алексей сел. Помотал головой. Обвел глазами неказистое убранство избы. Нет, не пришли спасатели.

Сразу накатила тоска.

Командир тоже угрюм был. Бродил по дому взад-вперед.

Очаг потух. Снаружи проникал свет: шкура у входа откинута.

— Пожрать бы, — размечтался Коршунов.

— Пожрешь, — обещал командир. — Но кофе в постель не жди.

Не будет.

М-да, подумал Алексей, вспомнив «гениальный» командирский план. Далеко им еще до полководцев, ой далеко.

«А ведь ТАМ нас сейчас хоронят вовсю, — подумалось с тоской. — В новостях дикторы-некрофилы воду в ступе толкут, смакуя подробности... И не знают, дебилы, что мы еще небо коптим».

А может, и нет никаких дикторов. Может, из всего мира только они с командиром одни и остались.

Нет, не раскисать! Раскисать будем потом. А сейчас надо действовать.

— Нет, Леха. Ты только погляди. Каково, а?

Командир стоял возле стены.

— Ну чего там? Таракана, что ли, увидел? — буркнул Коршунов.

— Дурачок. Ты задницу от койки оторви и оглянись, — посоветовал Геннадий. — Тебе понравится.

Алексей послушно поднялся и обозрел интерьер избы.

— Ну?

— Ничего не замечаешь?

— В смысле?

— На это посмотри! — Черепанов похлопал по вкопанному посреди избы столбу. На столбе виднелись явственные «следы насилия»: кто-то с большим энтузиазмом опробовал на нем различный рубящий и колющий инструмент.

— Я когда на практике в общаге жил, у нас дверь такая была, — поделился воспоминаниями Алексей. — Мы в нее ножи кидали.

Судя по глубине зарубок, в столб кидали не ножи. Что-то посерьезнее.

— А на это что скажешь? — Командир показал на стену. На стене виднелись явные следы поджога.

Алексей пожал плечами. Еще раз мрачно оглядел непритязательный интерьер.

— Бомжатник местный, — пробурчал он. — Комната для гостей. Особо буйных. Слышь, командир, пошли искупаемся. У меня после ночи все зудит, как у паршивого пса.

— Пошли, — согласился Черепанов.

Село стояло на высоком берегу. Но домишко, в котором разместили космонавтов, строили на отшибе. Здесь спуск был более пологим.

«Странно, — подумал Алексей. — Зачем строиться там, где к речке приходится лазить по глинистой круче? Или в этом есть какой-то смысл?»

Солнце стояло высоко, ощутимо припекало. День обещал быть жарким.

— Давай там, — сказал Алексей. И показал направо, где имелось нечто вроде маленького пляжа.

Они стянули «пингвины».

Алексей взялся уже было за подштанники, но командир вдруг сказал негромко:

— Отставить! Там, за ивняком.

На речке они оказались не одни. Чуть подальше оттягивалась местная ребятня. Завидев «богов», детвора, естественно, игры прекратила и уставилась на новый аттракцион. Поскольку чудес не последовало, юные аборигены вернулись к прежним занятиям. Развлечения, что характерно, были те же, что и в начале третьего тысячелетия от Р. Х. Пронестись над обрывом на привязанной к дереву «тарзанке» или просто сигануть сверху в теплый мягкий песок и прокатиться кубарем до самой воды. Но в самую воду никто из малышни не заходил. Должно быть, родители запрет наложили.

Но «богам», естественно, бояться воды было необязательно.

После «блошиной» избы в теплой чистой водичке без малейшего следа химии и радиации было хорошо. Алексей с Черепановым минут тридцать гоняли наперегонки от одного берега к другому, потом принялись нырять — на выносливость. Выиграл Геннадий. Зато Алексей обнаружил, что в реке полно раков.

Накупавшись, выбрались на песочек и затеяли бороться. Собственно, честной борьбой это назвать было нельзя. Коршунов неплохо владел ударной техникой, но бить в голову и по другим уязвимым местам опасался. А все остальное у Черепанова

было совершенно деревянное. Может, какой-нибудь черный пояс «кекушинкай» и смог бы пробить железобетонный пресс подполковника... Вероятно, мог бы. Но для Алексея, как только Геннадия удавалось его ухватить, поединок тут же и заканчивался. Непродолжительным полетом с последующим приземлением в лучшем случае на четыре точки. Правда, Черепанов тоже гуманизм проявлял: захваты выполнял аккуратно, без болевых, и бросал аккуратно.

Минут через пять космонавты обнаружили, что, помимо ребятни, у них появились зрители постарше.

В частности, Книва, сын Фретилы, белобрысый молодой мужик Вутерих, один из тех, кто вчера намеревался пустить Книве кровушку, и Книвин брательник Сигисбарн, такой же белобрысый облом.

Увидев, что «боги» их заметили, Книва просиял, Вутерих нахмурился, а Сигисбарн нагло ухмыльнулся. Затем соскочил с обрыва, сдернул куртку и сделал Черепанову приглашающий жест: мол, давай и меня так кидани! Слабо?

— Ну что, Леха, поддержать славу богов? — спросил Геннадий.

— Ты его только не попорть, — озабоченно проговорил Коршунов. — Зарежут.

— Не учи батьку водку пить, — усмехнулся Черепанов. — Не покалечу. Вон какой здоровый лось!

«Лось» тем временем скинул башмаки, потоптался, уминая песок. Был он и впрямь здоровенный. На полголовы выше Черепанова, широкоплечий, мускулистый, румяный — кровь с молоком.

Геннадий сделал приглашающий жест: давай, мол, атакуй. Книвин брательник торопиться не стал. Набычился, сделал страшную рожу, заревел медведем: то ли напугать пытался, то ли просто боевой дух в себе поднимал.

Алексей стоял по щиколотку в воде, дышал сладким воздухом, пахнущим рекой и ранними травами. Солнышко грело ему грудь, а ветерок приятно охлаждал разгоряченную спину. Коршунов вдруг почувствовал себя так, словно он — на отдыхе. Пикничок на природе с друзьями. Позагорать, поплескаться, удаль молодецкую потешить, ну и водочки выпить, конечно, под сочный шашлычок...

Местный парень Сигисбарн закончил «разминку», подпрыгнул, рыкнул и обрушился на Черепанова. По-простецки: сгреб, придавил и, помогая себе ногами, попытался завалить на песок.

Геннадий дал ему немного порезвиться, потом небрежным движением освободился от захвата и красивой «мельницей» отправил верзилу в песок. Публика одобрительно завопила. Особенно громко орал Книва. А вот Вутерих молчал, но ухмылялся.

Сигисбарн происшедшее не осознал. Поднялся, поглядел на противника несколько удивленно. Как это так? Только что я на ногах стоял и вдруг — лежу?

Геннадий опять сделал ручкой: давай, родной, еще разок.

Сигисбарн рыкнул и кинулся...

Черепанов нырнул и послал красавца через себя. Зрители восхитились, а верзила опять не понял, что случилось.

Алексей его очень хорошо понимал и даже отчасти сочувствовал, поскольку имел удовольствие испробовать на себе командирские приемчики. Только что Генка стоял перед тобой, с косою ухмылочкой, и — р-раз! — уже куда-то исчез. И земля из-под тебя тоже исчезла, а сам уже летишь куда-то, летишь... И приземляешься.

После четвертого «полета» Сигисбарн решил, что с него хватит. Тут дело нечисто, решил он. Не иначе — колдовство какое.

С большим подозрением косясь на Черепанова, он взобрался наверх, где между ним и Вутерихом тут же развернулась оживленная дискуссия. Судя по жестикуляции, Сигисбарн пытался доказать, что победили его нечестно, колдовством. Вутерих же утверждал (призывая в свидетели Книву), что, наоборот, все было честно. Никакого колдовства. А что побили Сигисбарна, так это исключительно из-за его, Сигисбарна, неуклюжести и хилости.

Сигисбарн пришел в ярость. Попытался треснуть «свидетеля», но тот увернулся. Тогда оскорбленный в лучших чувствах Сигисбарн, ничтоже сумняшеся, врезал оппоненту между глаз. Вутерих в долгу не остался, и кореша принялись молотить друг друга кулачищами. Аж гул стоял.

Алексей было кинулся разнимать, но командир поймал его на полпути:

— Не лезь, сами разберутся.

И оказался прав. Минуты через две бойцы притомились и помирились. Последствия сокрушительных ударов оказались на удивление незначительными. Пара ссадин, юшка из носа да лопнувшая губа. Вероятно, здоровая жизнь обеспечивала повышенную крепость организмов.

— Обратил внимание, как дерутся? — спросил Черепанов.

— Угу. Русский кулачный бой в лучших традициях. С замаха в морду. Без подлянок.

— И без блоков, защита на уходах и уклонах, да и то редко, — резюмировал Геннадий. — Вывод?

— Вывод такой, что мы с тобой на пару весь этот поселок сделать сможем.

— Вывод неправильный, — отметил подполковник. — Правильный вывод: в настоящей драке они не кулаками орудуют, а кое-чем посерьезнее.

— Понимаю. Против топора на блоках не поработаешь.

— Да нет, можно и против топора, — сказал Геннадий, еще не подозревая, что ему очень скоро придется доказывать это заявление на практике. — Против меча да, сложновато, а против топора — ничего, можно. Только этому надо специально учиться. И все равно щит будет эффективнее.

Сигисбарн спрыгнул с обрыва, сполоснул в реке окровавленную физиономию, повернулся к космонавтам, выпрямился и произнес торжественную тираду.

Его не поняли. Пришлось прибегнуть к помощи «толмача» Книвы.

Оказалось, почтенный отец достойных сыновей Фретила приглашает «богов» разделить с ним скромную, нет, скорее, обильную трапезу. В смысле, позавтракать зовет.

«Боги», само собой, отказываться не стали.

Глава девятнадцатая

КНИВА. БОГАТЫРСКАЯ ПОТЕХА

Книва, затаив дыхание, смотрел, как чужие боги играют с божеством реки. Чужие боги по очереди ныряли и подолгу под водой пребывали: должно быть, было о чем им с божеством поговорить.

Чужие боги знали все. И место выбрали не простое, а то, где три зимы назад Гиба утонул. Книва дружил с Гибой.

В те дни, когда можно входить в воду, они с Гибой вот именно здесь купаться любили. Потом речное божество Гибу к себе взяло.

Ублажив речное божество, чужие боги взялись плавать наперегонки. Как странно они плавают. Книва так не умел, и никто в селе не умел. Да что в селе, и в бурге не нашлось бы никого, кто бы мог так плыть.

Надо будет попробовать. Дождаться дней, когда можно купаться, и попробовать.

Рядом пошевелился Сигисбарн. Книва знал, что брат думает о том же.

— Не нравится мне это, — тихо проговорил Вутерих.

К Вутериху боги не благоволят. Они еще вчера, на болоте, яснее ясного дали это понять. Опозорили Вутериха, принудив на четвереньках по болоту бежать. Сегодня ночью Вутерих, чтоб храбрость доказать, ходил к богатырской избе. Но чужие боги узнали, что он за кустом таится, и напали на Вутериха.

Вутерих уверял, что злой ворожкой из богатырской избы тянуло. И что заесть его хотел старший бог. Но Сигисбарн поднял его на смех. И другие тоже смеялись. Должно быть, и чужие боги тоже над тугодумием Вутериха вволю потешились.

В селе только о богах и говорят. Хундила-старейшина сказал: если боги сегодня прочь не уйдут, назавтра он в бург пошлет. Раз неслыханное творится, то в бурге об этом знать должны. Пусть Одохар, военный вождь, и Стайна, вождь мирный, разбираются, кому богов принимать. Богам следует великое гостеприимство оказывать, а в селе разве такое возможно? Только в бурге.

Дивные одежды богов лежали на берегу. Вот бы в такой да в бурге показаться. Все бы от зависти умерли. И в бою такая одежда подмогой бы была. Не случайно руны на одеждах у богов — от меча да от стрелы такая одежда была бы защитой. Да и от молний, ибо одна из рун явно громовая.

Когда богам надоело в воде тешиться, они из реки вышли. Постояли, озираясь, думая, чем бы себя повеселить, а потом единоборствовать принялись. Младший бог Аласейя все бил и бил в старшего бога Гееннаха. Но тщетно. Ибо великим воином и борцом преискусным был Гееннах. А оземь раз за разом падал Аласейя, бог водный, ибо о том имя его говорит. «Безмерная водная ширь» — вот что имя это означает.

Сигисбарн первым не выдержал. Вдруг встал во весь рост, не таясь.

— Ты куда? — прошипел Книва. — Одурел?

Но Сигисбарн будто не слышал. Пошел туда, где боги тешились.

Старший бог Гееннах к Сигисбарну снизошел. Бросал его и так и эдак, и животом в песок, и спиной. По-всякому. Если без понятия глядеть, покажется: крупнее Сигисбарн бога. Но это лишь видимость, потому что каждый знает: боги не таковы, какими кажутся. Настоящих

богов воинам Овида-жрец показывает. На воинском посвящении. Это великая тайна. Но даже и без посвящения видно: мал для бога Сигисбарн. Подбрасывал бог Сигисбарна вверх, словно щенка, сам при этом вовсе не утруждаясь. Сигисбарн потом сказал: бог его волшебством победил. Исчезал с глаз, а потом неведомой силой схватывало Сигисбарна и оземь бросало. Вутерих еще над ним посмеялся: мол, ночью он волшебство богов на своей шкуре испытал, а Сигисбарн просто дурной. Вот и Книва видел: без всякого волшебства, одними могучими руками бог Вутериха поборо. Тут Сигисбарн рассердился и драться начал. У них с Вутерихом часто споры так заканчиваются.

«Не будь героем, но дружи с героем». Так Фретила, отец, говорит. А бог — это побольше героя. Даже и чужой бог.

Сигисбарн был очень доволен. Еще бы! Много ли найдется тех, кто с богами единоборствовал?

Даже забыл, что отец велел: пригласить богов трапезу с родом Фретилы разделить. Но Книва брату напомнил. И напомнил, что благодаря ему, Книве, боги именно роду Фретилы благоволение выказывают. Но Сигисбарн слова Книвы мимо ушей пропустил. Книва уже не раз замечал: если брат — старший, так туповат. Вот и Сигисбарн такой же.

Глава двадцатая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ. ФРЕТИЛА-ГОСТЕПРИИМНЫЙ С ДОМОЧАДЦАМИ

Как выяснилось, приглашение к завтраку на Вутериха не распространялось. Не доходя до цели, этот молодец свернул в сторону, буркнув нечто невразумительное. Книва откомментировал его уход в смысле: «баба с возу — кобыле легче», а Сигисбарн как бы вообще не заметил: вышагивал впереди, гордо выпятив распухшую губу. Статный парень. На любой дискотеке имел бы у девчонок гарантированный успех, отметил Коршунов. Кстати, и Книва был парень хоть куда, несмотря на то, что почти мальчишка. Рост, пропорции... Тощий, правда, но мясо нарастет. И двигался хорошо: мягко, пластично. Таких Лехин сэнсэй называл: «идеальная заготовка». В смысле, реальный кандидат на черный пояс. Если характер есть. И желание.

Коршунов, например, в черные пояса не вышел, хотя тоже хорошие данные имел. И характер. Желания настоящего не было. Охота была себя гробить! Видел он этих молодых «перспективных». Что ни соревнование — то травма. Несмотря на щитки-протекторы. Оно, конечно, кумитэ — не шахматный турнир, и Алексей, если надо, мог за себя постоять и ответить по-мужски, как полагается. Но он слишком любил свой организм, чтобы калечить его ради каких-то поясов. Вот Генка, тот другой. Генка если уж чем занимался — до упора. До самой верхней планки то есть. Зато и чувствовалось в нем нечто... леденистое. Вот они с Коршуновым — друзья. Причем Генка — друг настоящий, разговора нет. Но Коршунов отдавал себе отчет, что есть в личности подполковника Черепанова некая «закрытая зона», куда другу Лехе ход запрещен. Скажем, уродец Буратино, Генкин «талисман», он явно оттуда. И то, как Черепанов труп парнишки на болоте изучал, дотошно и безэмоционально, словно медэксперт, — тоже оттуда. Ну да ладно. У каждого — свои тараканы. Это нормально для взрослого мужика. А из Книвы толк будет. Если не убьют, конечно. Здесь, похоже, с этим просто.

Дом Фретилы оказался чуток поменьше, чем у Хундилы-старейшины. Но как-то... ухоженной, осанистей.

И сам Фретила, по всему видать, солидный мужик. Крепкий хозяин.

Когда они к дому подошли, он уже у плетня стоял, будто заранее поджидая. А может, так оно и было.

Псов на дворе не наблюдалось. Видимо, их заранее где-то привязали.

Ворота распахнулись, последовал короткий, но бурный диалог. Говорил в основном Книва, то на Коршунова с Черепановым показывая, то на Сигисбарна. Сигисбарн поддакивал, шамкая раздувшейся губой.

Хозяин, показав на эту самую губу, вполне дружелюбно поинтересовался, не бог сынку рожу расквасил?

Угадать, о чем речь, было нетрудно, поскольку — «годс» и «Геннах» в сопровождении соответствующей жестикуляции.

Узнав, что над физиономией Сигисбарна трудился Вутерих, Фретила заметно огорчился. Даже сплонул в сторону соседского плетня.

Сигисбарн запротестовал, но папаша пресек протест короткой фразой и обратился к Геннадию с Алексеем. Говорил долго, торжественно, театрально жестикулируя.

Алексею вдруг пришла на ум мысль, что если бы этого папашу Фретила побрить да одеть соответствующе, то был бы он в точности похож на какого-нибудь политика муниципального уровня из бывших профсоюзных лидеров.

Черепанов кашлянул. Многозначительно. Он это умел. Мол, не хватит ли во дворе стоять? Не пора ли в дом? К столу?

Ну разумеется! Папаша Фретила чуть ли не ритмизованной прозой начал говорить. В лучшем виде. Непременно.

Он сделал широкий приглашающий жест.

— Пошли, — сказал Геннадий.

Однако повел Фретила гостей вовсе не в дом.

Оказывается, перед трапезой по программе была еще и ознакомительная экскурсия.

Просто, блин, в традициях Противника номер один. США то есть. «Не хотите ли, гости дорогие, осмотреть жилище?» И морда прямо сочится счастьем: вона какой у меня отдельный хауз выдающийся!

Побывали в хлеву. Там было пусто. Оно и понятно, скотина сейчас пасется. Ее к вечеру пригоняют.

Курятник. Амбарчик. Склад сельхозтехники. Непонятного назначения пристройка, размером едва побольше собачьей конуры.

Дом. Крыша. Солома, к которой имел отношение Книва. И отношения эти были довольно напряженными.

Неизменные пятнистые свиньи. Кстати, свинья на местном языке была «свиин». Почти как по-русски.

Дом назывался и «хузом», и «разном». «Разн» звучало чаще. А «га-разна» — это сосед. «Гаразном» Фретила был Вутерих. И мордорот Герменгельд, которому бог «Гееннах» (Да живет он вечно!) ручку изволил повредить. Герменгельд, оказывается, «брозар» недостойного Вутериха. Братан, стало быть.

Фретила вещал, Книва исправно «толмачил». Сигисбарн ходил следом, но помалкивал. Судя по всему, тут царит суровый патриархат. Когда старшие говорят, младшим положено держать клюв на замке. Пока не спросят.

Каждый раз, когда Геннадий с Алексеем изображали восхищение — а что еще оставалось? — папаша Фретила сиял, как начищенный чайник.

Когда все, что можно было осмотреть, было осмотрено, Фретила повел «богов» в дом. Судя по всему, осмотр хозяйства был отвлекающим маневром. Чтобы хозяйка успела на стол собрать.

Представлена была и сама хозяйка — тетенька сурового вида и могучего телосложения. Звали тетку под стать внешности — Брунегильдой. Имя было знакомое. Что-то из того, прежнего мира. Ассоциировалось с чем-то крутым. Но с чем, Коршунов не помнил.

А вот и гвоздь программы. Дщерь Фретилы.

По виду дщерь была совершеннейшей оторвой. Правда, оторвой симпатичной. Эдакая, кровь с молоком, разбитная девочка. Светленькая с рыжинкой и с веснушками на носике.

Звали дщерь Рагнасвинтой.

Перед «богами» Рагнасвинта слегка оробела. Робость ей шла.

Фретила вновь толкнул пространную речь. На стол показывал, где дымился большой горшок с каким-то варевом, на Брунегильду, на улицу, на Книву. А закончил совсем неожиданно. Взял Рагнасвинту за плечи и легонько подпихнул ее к «богам» и сделал двусмысленный жест.

— Слышь, Генка, похоже, нам девочку предлагают, — сказал Коршунов. — Я бы взял. Классная девочка. Грудки просто наружу просятся.

— Расслабься, — притормозил его Черепанов. — Раскатал губу. Только попробуй, сразу по морде получишь. Причем от меня.

— Ты что, командир? — изумился Коршунов. — Я в монахи не записывался!

Черепанов поглядел на него, как на идиота.

— Ты, космонавт-исследователь, мозги-то подключи. Откуда ты знаешь, что этот бородач имеет в виду? Хочешь, чтоб на рогатину поддели? Сначала с языком и прочим разберись, а потом кобелюй. И рожу не криви! — прикрикнул он на посмурневшего Коршунова. — Тут дипломатию соблюдать надо. Вдруг он и впрямь тебе девку сватает? Улыбайся и молчи.

Рагнасвинта, запинаясь, вякнула что-то. И показала на стол. И покраснела.

Папаша Фретила гулко захохотал. И Сигисбарн захохотал, с торжеством глядя то на Геннадия, то на Алексея. И даже Книва прыснул. А Рагнасвинта, зло зыркнув на родителя, бросилась на улицу.

— Дела, — откомментировал Геннадий. — Все-таки обидели девушку. Будем надеяться, что не мы.

Кормились все из одного горшка, по очереди. Нечто вроде тушеного с курятиной зерна. Но курятины было больше. Не ску-

пился хозяин. Откушали. Фретила тут же проставился пивком. Сигисбарн с Книвой приволокли здоровенный кувшин. И чашки деревянные. Себе — примерно на пол-литра, гостям — раза в три побольше. Эдакие ковши с ручками. Учили, значит, масштабы личностей. Космонавты, памятуя о последствиях вчерашнего пивопития (обоих, не к столу будь сказано, понос пробил), поначалу отнеслись к напитку осторожно. Однако были приятно удивлены. Пиво оказалось заметно лучше, чем вчерашняя кислятина. Алексей не преминул об этом сообщить. Фретила подтвердил величественно: его пиво — это Пиво, а у Хундилы так, собачья моча. Книва «перевел» жестами, показал, как «хундс» лапу задирает, а Хундила оный собачий продукт — в кувшин. И пьет с удовольствием. И гостей угощает. В лицах показал. Определенно, незаурядный актер в парне пропадает. Фретила тут же внес дополнение: пиво Брунегильда варила. Он ее научил. И дочь юную она тоже научила сему хитрому искусству. Отметьте сей факт, гости дорогие.

В общем, складывалась неспешная беседа, попутно обогащавшая словарный запас Черепанова с Коршуновым. Фретила вещал торжественно. Однозначно давал понять, что готов плотно закорешиться с гостями. Благодарил, что они оказали такое почтение его роду: Книву приголубили, Сигисбарна отмутузили. Одним словом, проявили крайнее благоволение. Он, Фретила, добро понимает. Он, Фретила, для дорогих гостей — хоть что. Вот хоть тот первоклассный котел готов подарить. Нужен богам котел или они пищу земную лишь из уважения к нему, Фретиле, вкушают?

Алексей посредством языка жестов и смеси немецкого, французского, русского и малороссийского дал понять, что «боги» теперь по земным правилам живут, следовательно, и кушать будут, что все прочие двуногие на земле кушают. Обычай такой. Одно нехорошо: у них, «богов», одежда небесная, а это непорядок. Вот ежели бы кто им, «богам», земную одежду подарил, вот такую, как на Сигисбарне, то это был бы очень правильный поступок.

Наглая просьба вызвала оживленную дискуссию.

— Может, зря ты так, в лоб? — проговорил Черепанов.

— Нормально. Ты что же хочешь, чтоб я, без языка, без понятий местных, полунемеками изъяснялся?

Однако все срослось в наилучшем виде. Фретила, прихватив сыновей, удалился и через некоторое время вернулся с про-

дукцией местных кутюрье. В комплект входили две холщовые рубахи с завязками и затейливой вышивкой, пара штанов типа «бермуды» с завязками из веревочек, еще — по паре кожаных курток и кожаных же штанов отличной выделки. В такие только молнии вставить — на любом блошином рынке с руками оторвут. Один недостаток — полное отсутствие карманов. К одежде прилагалось два комплекта обуви типа мокасин и шесть пар обмоток. В довершение расщедрившийся Сигисбарн положил на кучку, предназначавшуюся Черепанову, шикарный пояс, настоящее произведение искусства из толстой тисненой кожи шириной сантиметров пятнадцать, изукрашенное железными и бронзовыми бляшками и оснащенное множеством крючков и петель. Восхищение, которое выразил Черепанов, было вполне искренним. Робко улыбаясь, Сигисбарн дал понять, что хотел бы увидеть, хорошо ли будет смотреться подарок на старшем «божестве». Поскольку напяливать пояс на «пингвин» подполковнику показалось дурным тоном, он удалился в чуланчик, откуда появился, облаченный по местному обычаю. Даже с точки зрения Коршунова, командир смотрелся неплохо. Очень внушительно. Этаким могучим древним воином.

— Тебя бы еще оружием увешать, — ухмыльнулся Алексей.

Видимо, та же мысль пришла в голову и Сигисбарну, потому что он выскочил из «столовой» и вернулся с приличных размеров ножом в кожаном чехле. Сигисбарн лично прикрепил ножны к одному из крючков на поясе. К всеобщему удовольствию, Черепанов извлек нож и с подчеркнутым вниманием его осмотрел.

— Говно сталюга, — произнес он нараспев, широко улыбаясь. — Я бы такой штукой даже огурцы резать постеснялся. Но баланс ничего, приличный. Надо бы им тоже чего-нибудь подарить, как думаешь?

— «Пингвин» свой отдай, — сказал Алексей. — Сам же говорил: шмотье на «пингины» сменяем.

— Это мысль, — одобрил Черепанов. Улыбнулся еще шире, поднял двумя руками свернутый комбинезон, произнес очень торжественно своим рокошущим басом: — Вручаю вам, Фретила и сыновья, сей небесный прикид. Желая вам никогда не надевать его, ибо ходить в нем вне условий невесомости просто омерзительно. Тем не менее эта совершенно бесполезная для вас вещь замечательно блестит и переливается, а также имеет надписи на

двух языках, в которых сообщается, что она есть собственность российского космолота и изготовлена персонально на меня, Геннадия Черепанова.

Фретила с домочадцами внимали речи командира стоя, с такими благоговейными лицами, что подполковнику стало неловко, а Алексей изо всех сил сдерживался, чтобы не ухмыльнуться.

Расстались также крайне торжественно.

Половину пути к «гостинице» Коршунов неоригинально иронизировал над речью командира и его внешним видом. Но потом Черепанов походя заметил, что юморист Коршунов потеет и мучается в «пингвине», а он, Геннадий, чувствует себя вполне комфортно. Коршунов обдумал этот факт и заткнулся.

Глава двадцать первая

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ. УТОНУВШИЙ КОРАБЛИК

— М-да, — пробормотал Черепанов. — Надо было вчера прийти. От спускаемого аппарата осталась только макушка, украшенная шпилем антенны.

— Как же он мог утонуть? — изумился Алексей. — У него же положительная плавучесть.

— Это болото, а не океан, — сказал подполковник. — Ладно, давай стропы резать: парашют вытаскивать будем.

Коршунов поглядел на двухцветное полотно, испещренное грязными пятнами и желтыми лужицами болотной воды. Парашют накрывал маленькое болотце почти целиком: от края до края.

— А смысл? — спросил Алексей, уже представляя, какая это морока: освободить и вытаскивать тысячи квадратных метров шелка. — Отмахнем кусок этой хреновины — и хорош.

— А такой смысл, что на эту хреновину мы с тобой весь этот поселок с хундсами и хундилами сменить сможем. Давай, не валяй дурака, лезь, а я подстрахую.

Провозились они изрядно, почти до вечера. В грязище перемазались по уши. Ткань пришлось разрезать на десяток кусков, иначе было не управиться. Добычу выполоскали в реке. И сами помылись. Разложились на травке: на просушку.

— Эх, — вздохнул Коршунов, глядя на акры бело-красного шелка. — Какой ориентир с воздуха!

Но командир думал о своем, мечтам не предавался.

— Может, и хорошо, что аппарат затонул, — сказал он. — Целее будет. Местные — народ предприимчивый. Залезут — еще испортят чего-нибудь. Или пустолазные скафандры сопрут, а они — по лимону баксов каждый.

— Брось, Генка, — сказал Коршунов. — Никто тебе счет не предъявит. Некому. Давай лучше о приятном поговорим: о той девчонке, как ее — Рагнасвинте.

— Ага, — ухмыльнулся Черепанов. — Женимся, хозяйство заведем, землю пахать будем... Лепота!

— Да ты что? — испугался Алексей, представив описанную перспективу. — Не хочу я в фермеры. Ты же говорил, помнишь? Ну, про полководцев?

— Говорил, — согласился подполковник. — Я — в полководцы, а ты — в фермеры. Будешь тут землю пахать, хундсиков с хундилками плодить... А я Рим возьму и императором заделаюсь. Как думаешь, есть тут Рим?

— Понятия не имею, — буркнул Коршунов. — Но землю пахать да блох кормить я точно не буду. Ты что же, бросить меня нацелился? Не выйдет! — Он с опозданием сообразил, что Геннадий шутит.

— Нервы беречь надо, — назидательно произнес Черепанов. — И желания свои — ограничивать возможностями. — Он широко ухмыльнулся: — Или крестьянка Рагнасвинта, или гарем из римских куртизанок. Что предпочитаешь?

— У меня как-то две подружки были, сестренки троюродные, — мечтательно произнес Коршунов. — Татарочки. Так вот однажды...

Глава двадцать вторая

ХУНДИЛА, ВУТЕРИХ, ХАНАЛА И ПРОЧИЕ

Пока «боги» в поте лица отвоевывали у болота движимое, вернее, летающее имущество, в доме старейшины и основателя поселка почтенного Хундила имела место весьма серьезная беседа, напрямую касавшаяся этих самых «богов».

Участниками беседы были сам старейшина, почтенный старец Ханала и племянник Хундилы Алзис, пришедший к дяде занять мешок зерна, да так и оставшийся до обеда. Присутствовали также заявившиеся с важной информацией Вутерих и Герменгельд.

Вутерих был мрачен, Герменгельд — задумчив. Хотя насчет дум Герменгельда никто в селе давно не оболящался. Невелик умом Герменгельд. Что ему было от богов выделено, все в рост пошло, на ум ничего не осталось.

Как сказано, речь шла о пришлых «богах». Вутерих, уже составивший о них свое мнение, высказался однозначно:

— Чужие это боги — и весь сказ.

От волнения он даже кулаком по столу двинул.

— Чужие это боги. И зло замышляют. — Вутерих угрюмо посмотрел на Хундилу. Старейшина сидел, целиком погруженный в думы.

Алзис вместе с Герменгельдом налегали на пиво, оставшееся после вчерашнего совместного пиршества. Оно, конечно, неважное пиво варят в доме Хундилы, кислое и водянистое. Но коли другого нет...

Вутерих пива почти не пил, ораторствовал.

Это же неслыханное дело, чтоб боги к чужим племенам приходили. Это же нарушение всех обычаев, что земных, что небесных! У каждого народа — свои боги, коим и следует жертвы приносить и у коих помощь испрашивать. А чужие боги — что? Даже и захотят помочь чем, так откуда им ведомо, что чужому народу требуется? И опять же, свои боги обидятся. Уж своих-то богов мы знаем. Если обидятся — беда. А эти? Что у них на уме?

— М-м-м... — протянул Хундила, вроде бы и соглашаясь и вроде — с сомнением. — Так, говоришь, единоборствовали на берегу?

— Единоборствовали. — Вутерих нахмурился: — А прежде с божеством реки общались. Только я вот что думаю. Не воинские это боги. И Герменгельд так считает.

Герменгельд хрюкнул, соглашаясь.

— Может, это скотские боги, — подал голос Алзис, племянник, тощий, рыжий, с оттопыренными ушами. — Пригнать к ним скотину и посмотреть. Если это боги скотские, то благословят скот.

— Ага, они благословят! — насмешливо сказал Вутерих. — А через седмицу твой скот и падет. А богов — поминай как звали.

Вутерих повернулся к Хундиле.

— Вот и Травстила-кузнец тоже сомневается, — сказал он.

— Что говорит кузнец? — Хундила помрачнел. Одно дело — Вутерих, другое — Травстила. У кузнеца глаз верный.

— Сам же слышал, — напомнил Вутерих. — Сомневается он. Кузнец, он как обычно — себе на уме. Только, заметь, от «богов» он стороной держится.

— Он от всех — в стороне, — буркнул Хундила. — А ты почему думаешь, что чужие боги зло замышляют? — Старейшина зыркнул на Вутериха из-под кустистых бровей.

— А как мне еще думать? Что хорошего от них? А дурного — пожалуйста. Вот Герменгельду руку повредили. Скажи, Герменгельд. Дюжий верзила Герменгельд поддакнул:

— Ага! — и потряс рукой.

Правду сказать, рука его уже забыла, что ее «повредили».

— Ты, Хундила, сам подумай. — Вутерих наклонился сначала к старейшине, потом быстро повернулся к Ханале: — И ты, Ханала, подумай. Ты же мудр, все повидал. Как было? Злые квеманские духи сперва в Нидаду вселились. Нидаду мы очистили, ладно. И что же дальше?

— Во-во, — поддакнул Герменгельд. — Что дальше? — и шумно отхлебнул из чашки.

— А дальше — ОНИ! — Вутерих поднял палец. — Они! Неведомые боги. Тут как тут. И что они делают?

— Что? — спросил Герменгельд с важностью.

— А они Книву привечают! — с торжеством воскликнул Вутерих. — Нечистого Книву, который с Нидадой был. Книва-то мало что нечист, так еще и глуп, молоко на губах не обсохло. Рад стараться! — Вутерих сжал кулаки. — Вот ты, старейшина, сам посуди: если бы наши боги пришли, нешто они бы так с нечистым поступили?

— Это точно! — насмешливо сказал Алзис. — Наши боги не только из Книвы кровь бы выпустили, но и из Герменгельда. Да и из тебя, Вутерих, тоже. Головы бы вам поотрывали за непочтение. А от этих я что-то зла пока не видал, так что в этом с тобой, Вутерих, согласен: не наши они боги. Да это и сразу ясно было, коли они языка нашего не ведают.

— Вот я к тому и клоню, — гнул свое Вутерих. — Хитрят они. Под себя нас гнут. Смотрите, что выходит. Сперва Книва. Теперь уже и Сигисбарн. Да что Сигисбарн. Вон и сам Фретила, на что муж уважаемый, а перед чужими богами стелется.

— И мне вон руку попортили, — напомнил Герменгельд и шумно отпил пива.

— Молчи, Герменгельд, — оборвал Вутерих. — Надоел со своей рукой. А ты, старейшина, думай. Вот и еще: сегодня Брунегильда на подворье у себя причитала. Чего блажишь-то, спрашиваю. А она в ответ: Фретила с чужими богами родниться хочет, Рагнасвинту к ним посылает.

Тут Вутерих метнул взгляд на Алзиса: как, понравилось, защитничек?

Алзис враз помрачнел, а Хундила аж подскочил:

— Что-о?! Этот? Фретила? С богами породниться? Пришлец бурговский! Да кто его в селе приветил? Я! Стало быть, и мне...

— Сжечь их — и всех делов! — рявкнул Алзис.

Все посмотрели на него.

— А что? — заговорил Алзис. Его узкое, вытянутое, будто у хоря, лицо дернулось. — Пойти всем миром да в богатырской избе их и сжечь. Ясно уж — это квеманские боги обличье чужих богов приняли. Ну так и что ж, что боги? Сжечь их вместе с богатырской избой! Не устоять болотным исчадиям против огня!

Осерчал Алзис и осмелел на диво. Да и не без причины. Все в селе знали, что Алзис и так и эдак к Рагнасвинте подкатывается. Нравится ему Рагнасвинта. Как же ее — чужим богам? Вот и вскипел гневом Алзис. Сам, сказал, пойду и пожгу и избу, и богов этих праздных, негодных...

Но Хундила отваги племянника не разделил. А вот слова насчет Фретилова сватовства крепко ему в сердце запали. Увидел он в этом великую несправедливость. Кою исправить надобно. И можно исправить.

— Нет, — отрезал Хундила. — Молод ты еще, Алзис, про богов понимать. Может, и впрямь зло от них, а может, и благоденствие на село сошло вместе с чужими богами. Сперва все обдумать надо, присмотреться. Да и не нам тут это решать! — рубанул ладонью воздух. — Если Одохар или Стайна узнают, что мы дружеских чужих богов от земель наших отвратили, в большой гнев войдут. А я Одохара в гневе видел. Это похуже божьего гнева будет. Посему так сделаем. Ты, Алзис, глупости свои забудь, бери моего коня, рыжего, да скачи в бург. По дороге, глядишь, и дурь из тебя вытрясется. В бурге сперва к Одохару иди. Скажи: неслыханное дело случилось. Чужие боги пришли из краев неведомых. И не так, как приходят боги, а иначе. Либо напасть великая с ними пришла, либо великое

благо. Не оборонить Хундиле село. И гостеприимство, богам подобающее, оказать мы не в силах. Не осень, чай, оскудели все. Пусть военный вождь дружину поднимает и в село немедля идет. И пусть торопится вождь, ибо неведомо, чего от богов ожидать. А ну как не сумеет им, по скудости своей, угодить Хундила? Тогда как? Разгневанного бога утишить — великий труд. Так что отправляйся, Алзис, прямо сейчас и к завтраму уж в бурге будешь. Оба вождя сейчас там — и Одохар, и Стайна. Коли не будет Одохар мешкать, то через три дня в селе у нас будет. Так я говорю?

И на Ханалу посмотрел.

Помолчал мудрый старец, пожевал губами, может, от важности помолчал, может, думал о своем. Долгую жизнь он, Ханала, прожил и много великого видел, и много мерзостного. Долго молчал Ханала, а потом заговорил, медленно, важно, как обычно.

Глава двадцать третья

АЛЕКСЕЙ КОРШУНОВ. В ПЛЕНУ ВОСПОМИНАНИЙ

Было это примерно за месяц до первого, отложенного, старта. Вызвал их к себе Петрович, начальник Центра подготовки. Пораспрашивал о разном, несущественном. А потом вдруг предложил:

— А не пойти ли нам прогуляться, мужики?

Когда генерал-майор и непосредственный начальник предлагает, отказываться непринято. От конторы до столовой — дорожка метров двести, с липами по сторонам. Вот по этой аллее они и ходили туда-сюда: слева Алексей, справа командир. А посередине Петрович. Как младшие по званию, Коршунов с Черепановым вежливо внимали.

— Тут, мужики, главное — очку в плен не попасть, — говорил начальник ЦП.

— Это в каком смысле? — позволил себе вопрос Коршунов.

— А в том, что когда оно, очко, играть начинает, поддаваться этому нельзя.

Петрович — начальник Центра подготовки. В отряде он — бог и царь. Все через него идет. И беседу эту он тоже явно неспроста завел. Гнул к чему-то.

— Я ваши бумаги смотрел, мужики. Вроде все нормально у вас. Но это — здесь, на Земле. А там... — Петрович помолчал. — Я вам вот что сказать хочу, мужики. Люди вы опытные. И не дураки оба. Но иногда лучше дураками друг перед другом оказаться, чем друг дружке в глотку вцепиться.

Алексей с Геннадием не понимали.

— Это я, мужики, не про «тут» говорю, а про «там». Там, мужики, мозги иначе работают. Особенно поначалу... Как бы это попопнятнее объяснить. Вот, Гена, ты ведь налетал немало...

— Это с кем сравнивать, Сергей Петрович, — уклончиво ответил Черепанов.

— Ты погоди. Я не о том. Ты знаешь, сколько всяких инструкций и положений по нашей работе есть. Опять-таки — и уставы. И приказы... Но в половине случаев никакие приказы-инструкции тебе не помогут. Ты — сам себе приказ и инструкция... Потому что там, — он показал вверх, — все иначе. И те, кто внизу, это понимают тоже и помогут... Но тем, кто ТАМ, им сверху виднее. ТАМ все очень по-другому, чем здесь. Вас, конечно, пасти будут, но тем не менее. Все эти тесты — они здесь, внизу, хорошо работают, а ТАМ... Всякое бывает — и истерики, и прочее.

Генерал умолк. И его подчиненные тоже молчали. Поскольку им тоже было неплохо известно о том, что бывает ТАМ. Но пока известно только *теоретически*.

— Про «Салют-5»¹ знаете, поди? — нарушил молчание Петрович. — Вот вам классический пример.

Про космическую станцию «Салют-5» они знали. С ней и вправду сплошная мистика была. Запустили ее в 1976 году, к 35-й годовщине начала Великой Отечественной. И дату запуска выбрали — нарочно не придумаешь — 22 июня.

Первыми туда полетели Волынов с Жолобовым на «Союзе-20». Через две недели после вывода станции на орбиту.

Что там творилось, никто не знает доподлинно. Только и у Волынова, и у Жолобова на борту сразу самочувствие резко ухудшилось. И во время сеансов связи о странных вещах докладывали. Будто стоит на станции отвратительный запах и становится все сильнее. А еще в жилом отсеке то ли свечение, то ли туман серо-голубой клубится.

¹ Советская орбитальная станция «Салют» — официальное название. Фактически — военная станция «Алмаз».

Дошло до того, что видеть они друг друга не могли. Сидели в разных углах жилого отсека. Врачи на Земле на ушах стояли, а тоже поделаться ничего не могли. Парни и лекарства разные принимали, а все без толку. Кончилось тем, что их досрочно на Землю вернули. Всего полтора месяца на борту и пробыли. А программа полета огромная была.

Сразу же после посадки на «Салют-5» отправились Быковский с Аксеновым. И тоже всего месяц там пробыли. Вроде для геодезических исследований летели. Только липа это все была, слишком дорогая штука — запуск, чтобы ради геодезии миллионы долларов вколачивать. Впрочем, тогда секретили все по-черному.

И этот экипаж на станции всего месяц пробыл, в сентябре уже вернулись. А в октябре «Союз-22» туда летит. Стыковка отменяется, экипаж совершает срочную посадку. И садились в нерасчетном месте: на озеро Тенгиз, к тому же ночью.

В феврале семьдесят седьмого на станцию корабль «Союз-24» запускают. Этот экипаж всего 17 суток на борту «Салюта-5» пробыл. Больше на «Салют-5» не летали, в том же семьдесят седьмом затопили его в океане.

И с туманом этим непонятно все так и осталось. Грешили на систему жизнеобеспечения. Даже газоанализатор потом на борт доставляли. Все в норме.

И у штатников сходная ситуация была. Они когда свой «Скайлэб»¹ запустили, то при старте от вибрации механика повреди-лась. И солнечные батареи полностью раскрыться не смогли. Да еще противометеоритный экран отлетел и заклинил. Первой экспедиции пришлось в жуткой жаре работать. Из-за того что солнечные батареи не полностью раскрылись, система охлаждения почти не функционировала. И ничего. Экспедиция отработала, чувствовали себя нормально. А вторая экспедиция — то же самое, что у наших. Так и не оклемались до конца полета.

«Скайлэб», к слову сказать, тоже невезучим оказался. И его затапливать пришлось.

Петрович дал им проникнуться аналогией, затем продолжил:

— В общем, тема такая, мужики: если ситуация вас корезжит, ломает, злит, вы не поддавайтесь. И чем больше злость в себе чув-

¹ Американская орбитальная станция. Единственный и неудачный эксперимент.

ствуете или там отчаяние, тем больше вы к этому делу — с юмором. Вас плющит, а вы веселитесь. Меня это не раз выручало. Такие дела, мужики. Главное — к очку в плен не попасть.

Такой вот странный разговор тогда получился. Впрочем, потом выяснилось, что и с дублирующим экипажем Петрович таким манером беседовал. На той же самой аллее.

«Интересно, что ощущают сейчас Серега с Толиком, дублеры? В прессе да на телевидении сейчас небось сущее светопредставление. Еще бы, никогда такого не было, чтобы корабль исчез. В Думе снова грызня затеялась, парламентские комиссии и все такое. Как всегда. Петровича имеют, поди, все кому не лень. Будут стрелочника искать, пока не найдут. Или пока еще какая-нибудь катастрофа не приключится. Тогда о нас забудут...»

Алексей тяжело вздохнул.

— Слышь, Леха, а даки кем были? — Голос командира вывел Коршунова из задумчивости.

— Какие даки?

— Ну ты что, не помнишь, что ли? Фильм еще такой был, «Даки» называется. Неужто в детстве не смотрел?

— Смотрел, конечно. У него еще продолжение было, «Колонна».

— А даки кем были? Вроде не славяне, а?

— Не славяне. Они же с римлянами воевали, а славяне позже появились.

— Может, это даки, местные-то? — выдвинул предположение Черепанов. — Не похоже?

— Да нет. — Алексей перевернулся на бок, почесал искусанную блохами шею. — Даки вроде побогаче жили. И горы там. Фильм же румынский был.

— Слышь, а там с даками еще какие-то хмыри то дрались, то вместе воевали. Ну, они их еще подставили в конце. Кто эти хмыри были, не помнишь?

— У которых вождь в страшной маске такой на качелях качался?

— Ага.

— А хрен его знает. Варвары.

— На здешних похожи, точно?

Леха хмыкнул. Встал, потянулся.

— Эх, сейчас бы перед видиком завалиться. И чего-нибудь эдакого для оттяжки. Современного. «Матрицу» какую-нибудь.

— Будет тебе «Матрица»! — хмыкнул Черепанов. — Будет тебе и какао с чаем. Поднимайся. Пойдем барахло оттащим, пожрем и до холма прогуляемся. Хочу я на крепость их поближе поглядеть. И с комендантом ее, Гардой, познакомиться, про которого Книва говорил. Любопытно мне...

Глава двадцать четвертая

ХАНАЛА. «ИСТОЩИЛСЯ МИР...»

Долгую жизнь прожил Ханала, много удивительного видел. Видел, как истощался мир и лжи становилось все больше. Он как думает, Ханала: ни к чему могучим богам во вместилище железном странствовать. Нету в этом величия, как нет величия в поросенке, которого в мешке несут. Вот сидел он, Ханала, с богами чужими за одним столом. И не видел в них величия. А страх скрываемый видел. Будто у юнцов, которые впервые переступили порог мужской избы.

Не знает он, ох не знает. Может и так стать, что и боги в оскудевшем мире в ничтожество впали. А может, изгнанники они, оттого и странствуют по миру неприкаянно.

Тотила-жрец — он бы сразу сказал, боги пришлецы или люди. Но нет Тотилы, много зим уже нет. А тем жрецам, что ныне богам служат, с Тотилой не сравняться.

Вот когда был Ханала у тиудов, народа дикого, что сторожит путь к Скандзе, видел он чудное. Есть в тех краях холм великий, а у подножия холма роща растет. В рощу ту никто не ходит, ибо в ней злое божество обитает. И для ублажения того божества тиуды делают так. Берут они пленника из племени, на которое набег учинили, и ведут на холм. А на вершине холма столб вкопан. К тому столбу и привязывают пленного. И оставляют. А сами вниз идут и прячутся.

Он, Ханала, собственными глазами это видел, оттого и говорит. И нету лжи в его словах.

В тех местах летом ночи нет, а лишь сумерки. И в сумерках из рощи заповедной облачко малое исходит и вверх по склону холма движется. И на вершине до рассвета стоит. А потом исчезает бесследно.

Когда день начинается, вновь идут тиуды на холм. Ханала сам с ними туда поднимался и видел все собственными глазами. Труп обескровленный на веревках, к столбу привязанный, висел.

То — божество истинное. А эти...

Не должно богам от народа своего уходить. Никогда прежде не слыхивали о таком. Но о многом прежде не слыхивали. А ныне — вот оно, есть.

К концу мир идет, ибо обветшал. Как ткань истлевшая расползается. И незачем в суть вещей вникать, ибо не стало сути. Изогался мир, к концу стремясь. И люди мелкими стали и убогими. И боги, видно, измельчали.

Когда по широкой реке плывешь, берега медленно движутся. А узкой река делается — и берега назад быстро убегают.

Так и мир. Все суетно и ничтожно. Раньше все неторопливо шло. А ныне? Не упомнишь ничего, столь быстро все меняется. Да и помнить неохота. Нет ныне такого, глядя на что — радуешься.

Да, смотрел он, Ханала, на чужих богов. И на вместилище их смотрел. И вроде по облику боги они, а все равно сомнение ложет. И вот что он, Ханала, думает: праздные это боги¹. Вроде луговых божеств. Или тех, которые на лесных опушках живут. И с этими, как с теми, поступать должно. А что есть праздные боги — то ведомо.

Глава двадцать пятая

ГЕННАДИЙ ЧЕРЕПАНОВ. ФОРТ

Деревянный форт был построен грамотно. Посажен на ближайшую к селу возвышенность. Частокол из двойного ряда вкопанных в землю бревен спиралью охватывал вершину холма, с «захлестом» примерно в пять метров. То есть желающие войти внутрь вынуждены были эти пять метров протискиваться между стенами. Один-два хороших бойца могли перекрыть доступ в крепость без всяких ворот. Сама стена тоже была довольно крепкой. Пространство между двумя рядами заостренных по-

¹ К праздным богам относились примерно так же, как славяне — к полевикам с лешими, а кельты — к эльфам, то есть подозрительно-осторожно. В принципе, могут и помочь, но скорее всего напакостят.

верху бревен (внутренний несколько ниже внешнего) было заполнено глиной, доступ на стены изнутри облегчался двумя накатами и несколькими лесенками. Доступ на стены снаружи затруднялся небольшим наклоном внешнего ряда навстречу нападающим. Внутри форта оказалось три строения: два дома и амбар. Дома обычные, местного стандарта, с очагами, лавками и тому подобным. Запасов провианта в амбаре не было. Была гряда булыжников примерно одинакового размера. Для нужд обороны, надо полагать.

В домах тоже было — шаром покати.

Хлынул дождь. Проливной. Но кончился быстро — и снова солнышко. Геннадий с Алексеем вышли во двор.

Во дворе имелся колодец, довольно глубокий, с кожаным ведерком на веревке.

— Где, интересно, этот Гарда, про которого Книва толковал? — пробормотал Алексей. — Может, вот он? — Коршунов похлопал ладонью по столбу, вкопанному в центре форта.

На столбе были грубо вырезаны три хари с вытарашенными зенками и раззявленными ртами. Создавалось впечатление, что хари собираются блевать.

Черепанов на предположение Коршунова никак не отреагировал, молча полез на стену.

Сверху открывался отличный вид на окрестности. Да, стратегически превосходное место. И, учитывая местную технику, почти неприступное. Хотя — кто его знает? Стенобитные орудия еще древние греки научились строить. И китайцы. Впрочем, такие форты не для настоящих войн строили. Так, отсидеться при внезапном набеге. До подхода помощи... Черепанов отдавал себе отчет в том, что еще не научился мыслить категориями века мечей и копий. А с точки зрения пилота тридцать пятой «сушки», оснащенной для удара по наземным целям ракетами класса «Х» с телевизионным, телекомандным, тепловизионным и лазерным наведением, ракетами крылатыми и аэробалистическими, бомбами управляемыми (калибром до 1500 кг) и свободнопадающими, бомбовыми кассетами и НАР... Короче, одна только встроенная в крыльевой наплыв тридцатимиллиметровая пушка (оружие просто ничтожное в сравнении с перечисленным выше), выплевывающая полторы тысячи снарядов в минуту, превратила бы этот «могучий» бастион в кучу щепы и мертвого мяса за долю секунды.

Черепанов вздохнул. И еще раз вздохнул, вспомнив, что скорость, развиваемая «сушкой», на высоте составляет 2440 км/час, а у земли — 1400. Если сравнить со скоростью верховой лошади... Нет, даже сравнивать не хочется. Да, матушка-Земля, конечно, осталась прежней: те же 40 тыс. км — по экватору. Но вместе с тем стала намного-намного больше, потому что две или даже четыре ноги никак не тянут ни на четырехступенчатый ЖРД «Союза», ни на ТРДДФ АЛ-35Ф истребителя «Су-35», ни даже на четыре колеса отечественного внедорожника по кличке «козлик».

Черепанов вздохнул третий раз и поглядел на село. На подворье Книвина папаша Фретилы бродила свинья. Тихо в селе. Но пока ничего подозрительного не видно. Ну тут, как говорится, «Errare humanum est»¹. А тишина, как известно, предвещает грозу. Впрочем, если местные и установили за ними наблюдение, то маскируются наблюдатели грамотно.

Пахнуло дымом от местной кузницы. Дымом и еще чем-то индустриальным завоняло. Правильно, что подворье кузнеца — на отшибе. А сам кузнец — мужик занятный.

«Надо бы с ним поближе познакомиться, — подумал Черепанов. — Устроим тут промышленную революцию. Хотя — что мы можем реально? Я — военный, Лешка, правда, физик, но узкий специалист, мать его. От его кристаллографии при здешнем уровне техники толку — ноль».

Правда, математический аппарат может пригодиться. Чтобы оптимальный изгиб сохи просчитать...

«Ну это я и сам могу», — не без удовольствия подумал Черепанов и поглядел на своего товарища.

Коршунов подхватил один из бульжников, сваленных под стеной, примерился, крякнул и метнул через частокол на манер ядра. Бульжник описал красивую дугу и шлепнулся в траву по ту сторону стены, прокатился пару метров.

— Камешки, камешки... — пропел Коршунов. — Слышь, Генка, мне как-то один старый журнал попался, «Знание—сила», что ли... Так вот, в журнале статья была. Про мужика одного, австрийца, который после аншлюса в лагерь угодил. То ли антифашистом был, то ли нет, не помню. Короче, попал он в лагерь смерти. Ну

¹ Ошибаться свойственно человеку (*лат.*).

а там как. Вот валуны лежат, гора. Их надо перетаскать в другое место. И месяц все корячатся, эти валуны таскают. А как перетаскают — снова на старое место таскать заставляют...

— Ты к чему это? — удивился Черепанов.

— Слушай дальше. А мужик этот психолог был и не дурак. Вот он мозги подключил, попытался понять, что же вокруг происходит. И главное — для чего? Так и эдак прикидывал — ничего не выходит. Совершенно затратная штука получается. Экономический целесообразности нет. Взад-вперед валуны таскать, какой в этом смысл? А потом до него доперло. Смысл, оказывается, в том, чтобы у заключенных особый рефлекс выработать. Чтобы приказ в ноги шел, минуя голову. А мужик-то австриец, он и раньше, до аншлюса, все немецкую пропаганду по радио сто раз слышал. Ну там еще много чего в статье было. Но смысл в том, что нашел этот психолог ключ. Это была система по выявлению сверхчеловеков среди заключенных или что-то в этом роде. Ну и стал психолог, коль скоро систему нашел, пытаться в нее встроиться... — Коршунов поднял еще один булыжник, приложил к щеке и метнул с раскруткой, как ядро толкают. Получилось неплохо, лучше, чем в первый раз.

— Прекрати, — негромко сказал Черепанов. — Их сюда не для того принесли, чтоб ты тяжелой атлетикой развлекался.

— А для чего?

— А я почем знаю. Так что там дальше, с тем австрийцем?

— С австрийцем нормально. Преуспел. Встроился в систему.

— Сверхчеловеком стал?

— Вроде того. Он оказался единственным за всю историю рейха заключенным, которого на хрен выгнали из лагеря смерти. Система его отторгла. Усек?

— Не вполне.

— Ну ты и тормоз. А еще летчик. Если человек оказывается в ситуации, когда все вокруг иррационально, он, зная, что за этой иррациональностью стоит нечто рациональное, которое иррациональностью маскируется, делает вид, будто эту иррациональность приемлет. И тут же рациональное начало, которое за всем этим стоит, его выпинывает из ситуации.

— «Рациональное», «иррациональное»! Ты что, попроще не можешь выразиться?

— Могу. Смотри, мы сейчас вроде того заключенного мужика. Возможностей у нас почти никаких, изменить ситуацию под